

1991, июнь

Месяц начинался дождями и небесной беспросветностью. Погода давила на мозги, вызывая висельное состояние, а конца и края беспробудной серости не наблюдалось.

Диванову и близкий отпуск был не в радость: куда деть себя в эдакую хмарь? Обычно он выезжал на одну смену в пионерский лагерь, но в этом году предложений не поступало, а сам не искал. Какие лагеря?! Заводы и фабрики, подобно воздушным шарам, сбрасывали балласт из подсобных хозяйств, профилакториев, баз отдыха и тому подобных социальных костылей. А вскоре и сами дуба дали.

Юрий Викентьевич уже свершил подвиг составления отчета по успеваемости за четверть и год, написал характеристики выпускникам, первым, благодаря Славке Стихееву, сделал косметический ремонт кабинета и теперь слонялся между кабинетами завуча, Славянина Неронова и проходной.

— Юрий Викентьевич, — остановил его на одном из променадов директор. — Извините, что отвлекаю вас от глобальных дел, но очень нужно посоветоваться. Зайдите ко мне через полчаса.

Диванов зашел.

— Присаживайтесь поудобнее — разговор будет длинным.

Юрий Викентьевич поерзал в мягком кресле и пересел на стул. Не стоит привыкать к хорошему.

— Я немного порылся в нашем архиве и нашел ваши прелюбопытные заметки о реформировании школы. Не знаю, почему их тогдашнее руководство не приняло, а мысли в них очень дельные, хоть, может быть, не до конца проработанные. Помните?

Диванов помнил. Он тогда занимал должность пионерского вожатого и жаждал прославиться. Стать на одну доску с Ушинским-Крупской-Макаренко-Сухомлинским. Не получилось. Не ко двору-времени пришли его идеи. Они у него перманентно опережали время. Такая планида.

— Вижу, что помните. Давайте попробуем

Алексей ЛИВАНОВ

г. Петрозаводск

вернуться к ним. С учетом эпохальных перемен, само собой.

— Судьбоносных, — поддакнул Юрий Викентьевич. — Только не знаю, сохранились ли мои бредовые идеи.

— Ну, почему же бредовые? Времена были иные. Ренессанс сейчас, так сказать. Впрочем, педагогические проблемы и методы их разрешения вечны и консервативны.

— Раньше — времена, теперь мы иные, Николай Иванович, — весело возразил Диванов. — А года через три-четыре и вовсе в другой стране жить будем.

— Что вы имеете в виду?

— Не станет Советского Союза. Какой-нибудь другой союз образуется. Без Прибалтики и Средней Азии.

— Бросьте! Начитались Солженицына, вот вам и мерещится. Такая махина, как СССР, века простоит. Но не будем вдаваться в высокие сферы. Меня больше школа волнует. Нам срочно нужно менять формы работы, необходима радикальная демократизация.

«И что это он как на педсовете выступает? — кисло подумал Юрий Викентьевич. — Не иначе очередная партийно-административная установка пришла, вот и зачесался».

Но вслух сказал совершенно иное:

— Это очень замечательная идея. Я, если вы помните, всегда стоял за нее. Еще в те времена, когда и слова этого в нашем лексиконе не было. Только вот какая незадача: мы путаем два взаимоисключающих понятия — власть народа и власть толпы. «Время дано, чтобы созреть» — не помню, кто сказал, но верно.

— Мы должны сделать так, — почти раздраженно перебил его Николай Иванович, — чтобы и дети, и взрослые почувствовали себя хозяевами школы. Как вы относитесь к строю?

— С армии его терпеть ненавижу, — усмехнулся Диванов, с трудом улавливая, куда клонит директор.

— Мы с вами понимаем это и должны внушить тем, кто не очень. Школа должна воспитывать личность, а мы детей обезличиваем. Больше доверия! Пусть воспитанники сами избирают свой актив — командиров, режимников, а мы, — последовала длинная пауза, — будем выбирать администрацию школы.

Юрий Викентьевич не удержался и присвист-

нул. Вона куда докатились! А куда еще покатымся? Сейчас мне нынешний директор или завуч не нравятся, а через два месяца и вновь избранные наступят на любимую мозоль, и где предел?

— Смелая мысль, — раздумчиво протянул Диванов, пряча сокровенное. — Очень радикальная. Есть над чем помозговать.

— Я надеюсь найти в вас единомышленника, — голос директора стал предельно доверительным. — Набросал тезисно лик будущей школы, вы почитайте на досуге, поразмыслите и до отпуска сообщите ваши соображения. И пока, пожалуйста, никому о нашем разговоре.

В растрепанных чувствах шел Диванов на проходную. Неспроста все это, ох, неспроста. Шага бы неверного не сделать, впросак не попасть. Отпуск-то — вот уже он, через четыре дня. И посоветоваться не с кем. Со Славянином? Он — Карине, завучиха — Коле-Ване. Себе дороже. Помолчим. Помыслим.

— Пошто шеф вызывал? — услышал сзади голос Неронова. — Дай сигаретку.

— Думаешь, у меня табачная фабрика? Ты мне уже два талона должен.

— Брось, Юрчик! Свои люди — сочтемся.

Диванов протянул сигарету, и разговор от директора отскочил.

— В лагерь едешь?

— Какой лагерь! В прошлом все это.

— Хочешь, тебя в Бердянск пристрою? Мне туда предлагали, да я уже подписался в другое место.

— На клавиши нажимать? Успеешь научить? Или пианино-гитара?

— Пионервожатым.

— А что? Закинь удочку! Сделаешь — с меня банкет, и про талоны забуду.

— Заметано. Коля-Ваня зачем вызывал? Да можешь и не говорить, я знаю: предлагал в замы по воспитательной?

— С чего ты взял? — удивление было искренним, но вечно сомневающийся Неронов все равно не поверил.

— Вся школа говорит. Нет дыма без огня. Станешь начальником — друзей не забывай. Домой идешь?

— Нет, мне еще на свинарник.

На том и разошлись.

Ехать не хотелось, но ничего не поделаешь. Автобус вез. Марат Литвинов насиловал гита-

2003, март

ру и тоненьким голоском что-то напевал про ненаглядную маму и свою вину перед ней. Славка Стихеев задумчиво разглядывал пейзажи за окном.

Аркаша встретил их всегдашней суетой. Он, пожалуй, и на смертном одре бы подсуелится: и лежать неловко, и людишки не те собрались.

— Ты в отпуск выходишь? — Аркадий Дормидонтович никогда не здоровался. — Плохо, очень плохо. Мы с тобой сработались. Кого вместо тебя? Не знаешь? И я не знаю, но будет хуже. А скоро забой. Свежатинок хочется?

Диванов не отвечал, а Целуйко и не ждал ответов.

Бабульки пока трудились на совесть. Свины сытые и чистые. Работы пацанам наскреблось немного, но Аркаша — мужик хваткий, без дела дармовую силу не оставит.

— Слышь ты, я доски половые в станках заменил. Вот ведь заразы — пол грызут. Я уж им осиновых кольев накидал — пусть клыки точат, а все равно за пол принимают. Так деревенские обгрызенные доски тащат. Как куда? На дрова! В лесу, заразы, живут! Я так прикинул: их распилить и продать. Пусть пока пацаны доски аккуратненько сложат, укроют рубероидом и сверху доски же прибьют. На выходные я с пилой договорился. Ладненько, я полетел. У меня еще делов выше горла, — и он хватил ребром ладони по кадыку.

Свинский запах был бы для неискушенного носа омерзительным, но Юрий Викентьевич к нему притерпелся и временами подумывал, не перебраться ли ему сюда основательно. В качестве кого? Он не знал. Готовить кашу — убирать дерьмо? Упаси и отведи! Начальнических мест не предвиделось, и потому мысли его были умозрительными, без материальной основы.

В кормоцехе стояли, покуривая одну сигарету, Славка и Марат.

— Слушай сюда и не дергайся, — говорил Стихеев. — Я сам видел — сейф открыт. Я Дивана отвлеку, а ты из сейфа бумаги вынешь и с ними — сюда. Больше ничего не трогай — только бумаги. Если там капуста — ни рубля! Башку скручу. Врубился?

— **П**ойдем, — сказал Бука. — Тебя Зема зовет.

— Зачем? — спросил Макс.

— Не знаю.

Они дворами вышли к вещевому рынку, прошлись пару раз по кругу, пока не увидели Зему в окружении вьетнамцев.

— Лады, потом добазарим, — сказал он желтым торгашам и поманил пацанов. — Дело есть на мильен баксов.

Они прошли за мусорные контейнеры и закурили. Зема угощал. И разглагольствовал о простоте и надежности предстоящей работы.

— Все будем не в накладе, только не лопухнуться. Ну что, Федос, подписываешься?

— А чо делать-то?

— Не, фраер, сначала договор — потом разговор. Но дело стоящее. Сразу на Pentium-4. С нами?

— А чо, у тебя пацанов не хватает? — осмелел Макс.

— Хватает, но мне нужен проверенный, не трухлявый и маленький. А ты у нас профи форточник.

— Ладно, — сплюнул Макс, — подписываюсь.

— Смотри, заднего хода нет.

Дело оказалось плевое и знакомое: надо было пролезть в окошко небольшого магазинчика на самой окраине города.

Максим днем съездил на объект, мысленно примерился.

— Мне туда одному не пробраться, — сказал он после осмотра.

— Не писай в чулок, мы с тобой будем, и я подсажу. Значит, слушай сюда, — Зема достал четверо сложенный листок, — вот здесь ты влезешь, никуда переходить не надо. В углу — небольшие картонные коробки. Там их штук десять-двадцать. Точно не знаю. Кидаешь их в окно, куда залез, и — чмуру. Домой баиньки. Расплата через неделю.

— А что в коробках?

— Мобильники.

— А сигнализация?

— Не будет. Гарантия.

Оказалось, Зема отработал в этом магазинчике две недели грузчиком. Там на работу брали без оформления, а паспорт он у брата прих-

ватил. Однако обман как-то раскрылся, и Зема выперли.

— Я там свет вырублю, уже все присмотрел. Вот тебе фонарик и перчатки. Как все сделаешь — перекантуешь к окну ящик с этого угла, — Зема ткнул пальцем в схему, — по нему легко выберешься. Сечёшь?

Макс кивнул.

— Ну и все. Разбегаемся.

Дело пошло по-задуманному. Бука стоял на стрёме у единственной дороги, подходившей к магазину и слегка очищенной от снега. Зема раскрутил камень на шнуре с проволокой и закинул на провода. Сыпанул фейерверк искр, и дежурная лампочка над входом погасла.

— Не забыл перчатки и фонарик? — прошептал Зема. — Там темно, как у негра в заднице. Куртку сними. Ну, давай.

Стекло было толстым и с первого удара не разбилось. Макс ударил еще раз, потом еще. Только с четвертого посыпались осколки вовнутрь.

— Давай быстрее, — прошипел Зема. — Тяжело.

Но надо было расчистить раму от стекла. Зему уже пошатывало, когда Макс оторвался от его плеч. И сразу же возникла трудность: пролезть можно было только головой вперед, а внутри ухватиться было не за что. Наконец рука нащупала наличник, он ухватился за него и перетащил ноги. Спрыгивал в темноту, но удачно — пол оказался выше, чем Макс рассчитывал.

— Ну, ты как? — послышался сдавленный Земин голос.

— Нормалёк.

Фонарик был маленьким, а луч от него узким. «Как у шпионов», — подумал Макс и тихонечко рассмеялся. Нужно было в первую голову отыскать ящик для обратного хода. Но все оказалось не так, как рисовал Зема. Ящика на месте не было. Луч фонарика метался от стены к стене, но ничего подходящего не вышаривал. Видно, со времен Земиной работы здесь кое-что переменялось. В конце концов, нашелся бидон с чем-то жидким и тяжелый. Макс, напрягая все силы, перекантовал его под окошко, встал на бидон — нормально.

Коробки с мобильниками были на месте.

И тут Максону почудился Букин крик. Федосеев замер с коробкой в руках. Что-то беспокойное творилось снаружи. Он отставил коробку, ти-

хонько подошел к бидону, выключил фонарик и попытался выглянуть.

В это время со страшным скрежетом открылась дверь, Макс оглянулся и был ослеплен ярким светом мощного фонаря.

— Стоять! — раздался оцепеняющий крик. — Да это же мальчишка! А ну, слезай!

Максим не видел кричащего, но понял сразу — милиция. Кранты. Откуда они так быстро появились?

Допрашивать его начали уже в машине, но Федосеев ошарашенно молчал, не соображая, как ему вести себя.

В горотделе его закрыли в камеру с нарами и без постели. Даже паршивого тюфячка не было. Гладкие, отполированные многими телами доски как бы вдавливали кости в глубь тела, голова опускалась непривычно низко, куртку бы подложить, но она осталась у Земы. Скоро по телу забегали колючие мурашки — холодно, и Макс забегал из угла в угол, поприседал до усталости, но не согрелся. Тогда он забрался на нары, сел в угол, обхватил руками колени и опустил голову. Так стало теплее, и он начал подрёмывать.

Это не был сон в полном смысле. Калейдоскопом проносились в мозгу различные видения, обрывки фраз, не всегда связанные с происшедшим. Постепенно сквозь дрему нарисовалась картина: Буку не повязали, это точно, а Зему — непонятно. Вроде что-то говорили в машине о втором. Сигнализация, стерва, сработала. Она (тоже менты говорили) оказалась независимой от сети.

Утром его допрашивал Виктор Савельевич Курашев.

— Привет, Максим, присаживайся, — он указал на стул. — Сейчас явится педработник, и начнем работать, благословясь. Это твоя курточка?

— Моя, — Макс решил быть предельно откровенным.

Вошла молодая некрасивая женщина с рыженькими и редкими волосами, острым носом и круглыми очками на нем. Женщина представилась. Но Максим не запомнил, как ее зовут, а может быть, и не расслышал, ему все эти формальности были до луны.

Фамилия, имя, отчество, место рождения, адрес, отец, мать — на эти вопросы отвечал без запинки. Не первый раз. А дальше пошло сложнее. Надобно было рассказать историю, и

правдиво, и чтобы никак не вложить ни Буку, ни, тем более, Зему.

Этот рассказ он выучил еще в камере, главное, не дать сбить себя, твердить одно и то же, поверить самому. Рассказ выглядел жалостливо, но не для Виктора Савельевича, который подобных историй наслушался до отвала. По Федосееву выходило, что его старенький и слабенький комп никуда не годится, с ним только в шашки играть, а в магазинчике этом принимают всякую технику на комиссию. Он однажды зашел и спросил, не возьмут ли его машинку в обмен хотя бы на Pentium-2 с доплатой, если небольшой, но там ему ответили, что его железо разве только в музей возьмут, а денег дома нет. Да, папа зарабатывает, мама тоже работает, но они отсталые, думают, какая разница, есть железо и ладно, а не в понятии, что оперативка там никакая.

Судя по реакции, рассказ на Курашева впечатления не произвел.

— С кем ты был? — вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Макс вздрогнул.

— Один.

— Это ты бабушке расскажи! — рявкнул инспектор.

— Виктор Савельевич, — мягко обратилась педагогический работник, — не повышайте голос на ребенка.

Максим взглянул на нее, и она уже не показала некрасивой.

— Извините. Не мог ты один забраться. Не мог. Я смотрел. Там или подкладывать что-то нужно, или подсаживать. Кто тебе помог?

— Никто.

— А ты Руслана знаешь? Земцова?

— Знаю, — Максим с трудом выдавил слово.

— Откуда знаешь? Он ведь старше тебя.

— Тусовались.

— А вот он не такой герой, как ты. Он утверждает, что вместе вы были и это он помог тебе забраться в магазин. И он указал, где склад. И помнят там горе-грузчика. Видишь, какая нескладуха?

«Не мог Зема так быстро расколоться. Ему уже пятнадцать, на зону идти. Не мог. Не лох последний. Никак не мог», — в мгновение эти мысли промелькнули в Максовом мозгу.

— Не знаю, чо он говорил, но я был один.

— Хорошо. Оставим пока. А как ты собирался

системный блок на улицу переправить? Он ведь у тебя разбился бы?

— На веревке, — неуверенно ответил Максим — он этот вопрос не обмозговывал.

Допрос продолжался, по Максовым понятиям, очень долго. Часы у него отняли, и сориентироваться во времени он не мог. Какие бы вопросы следователь ни задавал, по кругу все возвращалось к Земе.

«Если Зему и повязали, — злорадно подумал Федосеев, — не сказал он им ничего. Не дурак — на зону идти, а мне спецуха — сто пудов».

Максима перевели в детприемник, и дня три его никто не тревожил. Приходила зареванная мать, принесла носки теплые и простые, свитерок и немного еды.

— У нас шамовка нормальная, мама, не носи.

Мать ничего не говорила, только всхлипывала.

На четвертый день вызвали к Иванову.

— Ну, здорово, приятель, помнишь меня?

Макс кивнул.

— Времени у меня в обрез, я и протокола писать не буду, а предложение для тебя припас заманчивое.

Макс криво усмехнулся. Сегодня он Петровица не боялся: при Надежде (кто она по должности, Федос не знал) бить его не будет.

— Да ты подожди смеяться-то — в спецшколе обхихикаешься. А я могу тебе помочь проскочить мимо.

— Это как? — встрепенулся Максим.

— Кражи у тебя практически нет? Нет. Есть попытка. Дело по малолетству так и так прикроют. Но ведь обидно: твой загонщик Зема сегодня дома уже, а ты здесь паришься, через месяц — на улицу Репина. К таким же, как ты, разгильдиям. Но много хуже. Там порядки крутые. Но можно договориться: ты мне говоришь, где ордена с медалями, и не сегодня завтра к мамане идешь, лады?

— Какие ордена? — По телу Максима пробежала волна дрожи, и помокрела спина. — Не знаю я ничего.

— Хочешь, расскажу, как ты дельце обстряпал? Слушай. Во время экскурсии в музей ты спрятался в банкетке, пролежал там до ночи, потом открыл дорогому папочке дверь. Так? В глаза смотри!

Окрик на Макса никак не подействовал, он разглядывал пол, желудком чувствуя, что при

Надежде с лейтенантскими погонами с ним ничего дурного не случится.

— На понт берешь, начальник?

— О, уже нахватался? Быстро. Способный. Ну, к тебе еще придут с этим вопросом, но теперь спецухи никак не миновать — много на тебя чего начислилось.

А Макс уже смирился со своей участью.

2003, октябрь

За последние три недели произошло столько событий, что переварить их не хватало ни времени, ни сил. Уход Неронова переживался особенно остро, хоть и были эпизоды покруче этого. Вокруг Диванова образовался некий вакуум, стало некому руку подать в минуту душевной невзгоды. Так же пусто было ему, когда в Швецию уехал Эрик Калугин. Теперь пообщаться не с кем. Пустопорожний трёп коллег раздражал, а учительская пенсия давала определенную независимость, и многие стали считать, что Юрий Викентьевич очень переменялся не в лучшую сторону. Он и сам ощущал в себе унылую опустошенность, ненужность и постепенно приходил к выводу, что время его миновало. Бывало, часами ходил по неузнаваемому городу неприкаянный, лишь бы позднее вернуться в квартиру, тоже опостылевшую. И хотя была у него своя комната со своим телевизором, но нужно было в редкие минуты нечаянных встреч о чем-то говорить с женой, вместе ужинать и впопад кивать головой, слушая ее болтовню.

Но этот вечер оказался удачным: на кухонном столе обнаружилась записка, волшебным образом извещавшая, что заболела Матильда Захаровна — горячо любимая теща, — поэтому два-три дня благоверная поживет у нее. Целует, вечером позвонит.

Диванов повеселел, сделал ревизию холодильника, позвонил Неронову. Тот прийти отказался, сославшись на занятость, пришлось самому тащиться в магазин, мучительно решать проблему вино-водка, готовить яичницу с ветчиной, опять мучиться, что пить, поскольку взял и то и другое.

После полустакана водки под огурчик с Матильдиной дачи он вспомнил, что питание в одиночку — кратчайший путь к алкоголизму, и начал

перелистывать записную книжку. Сколько ей лет, Диванов точно не помнил, но, отталкиваясь от некоторых записей, можно было предположить, что не меньше пятнадцати. Как много было друзей! И подруг. Полмира. Но сейчас страницы перелистывались без энтузиазма.

— К этому нельзя... этот скучен до отвращения... этого совсем не помню. А это кто? — бормотал он про себя и шевелил губами.

*Было нечего носить,
Стало некуда ходить.*

Итог неутешительный. Диванов захлопнул книжку и налил в фужер вина. Цвет его был приятным, а вкус отвратительным.

«Завтра от мешанины голова расколется, — лениво подумалось ему. — А, все равно. День свободный — отлежусь».

Прокукарекал дверной звонок. Жену он раздражал, и она просила сменить его, но из неясной вредности Юрий Викентьевич этого не делал.

Звонок был нехорошим. Это как-то само собой определялось по тону кукарека. Тон мог быть приятным, нейтральным и настораживающим.

Не заглядывая в глазок, Диванов открыл дверь. Перед ним стоял парень лет двадцати пяти в черной шапочке и кожаной куртке.

— Девочек вызывали? — спросил он.

Юрий Викентьевич взглянул за спину. Девушка с трудноопределяемым из-за сильного макияжа возрастом улыбалась. Чуть поодаль стояла вторая — пышненькая и не улыбающаяся.

— Нет, — сказал он и закрыл дверь.

Минуты через три звонок повторился. Тот же молодой человек.

— Это дом двадцать четыре, квартира девяносто восемь?

— Да! — уже закипая, прогрубил Диванов. — Корпус два! — и опять захлопнул дверь.

Вернулся на кухню, сунул остатки яичницы в микроволновку, налил водки, достал огурец, и тут раздался еще один звонок.

— Ну, вы меня достали, — крикнул он, отпирая. — Что еще? Если у вас благотворительная акция — все равно не надо! — и замер на ползвук: за дверью стояла Катя Васильева.

— Вот это пряники с глазурью! — присвистнул Диванов. — Какими судьбами?

— Вы всех встречаете подобным образом?

— Только вас, Екатерина Федоровна. Проходите, а то я один водку пьянствую.

Он помог девушке снять плащ, провел в гостиную. Видимо, маска величайшего недоумения и даже растерянности так и осталась на его лице, потому что Васильева рассмеялась.

— Да не пугайтесь вы, я к вам по работе.

— Вы меня разочаровали, — уже пришел в себя Юрий Викентьевич. — А я было встrepенулcя, как пожилой петух, — но опять ступевалcя, поскольку петух в школе нес совсем не птичью нагрузку. Диванов, кажется, даже покраснел. Во всяком случае, так ему показалось.

Скрывая свое смущение, он ринулся на кухню, порезал сыру и ветчины, кинул в тостер хлебушек, достал хрустальные рюмки, которыми практически не пользовался, и вкатил столик в гостиную.

— Извините, не ждал. Вот все, что обнаружил в закромах и сусеках.

— А ваша... семья?

— А вы как решились? Жена могла быть и дома.

— Я же по рабочему вопросу, — опять рассмеялась Васильева. — На кого вы так отчаянно ругались?

Диванов рассказал. Реакция получилась неожиданной.

— Вы не придумываете?

— Такая придумка мне бы и в страшном сне не пришла. Продажная любовь не про меня, и не потому, что я насквозь порядочный или ханжа, а потому, что это не мое. Вы водку, насколько помнится, не пьете?

— Наливайте, — Екатерина Федоровна заметно погрустнела.

— Мы опять на вы? — невинно спросил Диванов.

— Пока не решим мою проблему, — рассеянно ответила Васильева. Видно было, что ее мысли витали не здесь.

— Давайте раскрепостимся, — Юрий Викентьевич поднял рюмку. — За нас, хорошие мы люди.

Екатерина Федоровна вздрогнула: ей почудился в тосте намек.

Юрий Викентьевич вздрог отметил, но расшифровывать его не стал.

— Итак, в чем проблема?

Екатерина Федоровна поперхнулась водкой, откашлялась, извинилась. Диванов подал ей платочек.

— Мне надо к родителям на недельку съездить. Возьмите мои уроки.

Васильева была родом откуда-то из Вологодчины, она говорила как-то, но Диванов запямятовал.

— А что Марина Зиновьевна?

— Мы с ней в конфронтации, — Васильева криво усмехнулась. — Отказалась.

— Ей деньги не нужны?

— Важнее меня уколоть. Мы ведь с ней подругами были, а только дело коснулось нагрузки — дружба расплзлась по швам, — Екатерина Федоровна лениво отламывала маленькие кусочки сыра.

— Не дружба и была, — махнул рукой Диванов. — Еще по одной?

— Музыка у вас есть? Что-нибудь из классики?

— Из классики — Армстронг.

— Шутите?

— Ну, если хотите, Свиридов.

— Хочу.

Диванов вложил диск и разлил водку. Сверхчутьем старого самца он понял, что вечер безнадежно испорчен, и затосковал. Какие там танцышманцы-зжиманцы?

— Я вам настроение испортила? Пойду я, пожалуй.

— Провожу вас, — отговаривать Юрий Викентьевич не стал и даже почувствовал некоторое облегчение.

— Не надо, ради бога. Я на маршрутку. Как насчет уроков?

— К вашим услугам. Согласуйте с Лидией Васильевной и — доброго пути.

Неприятный осадок выпал от сего посещения, а Юрий Викентьевич никак не мог сообразить, когда и что он сказал эдакое, что так сильно выбило романтическую математичку из колеи.

Поднял его телефон. Диванов глянул на часы — пять минут седьмого. Господи, кто в такую рань? Но трубку снял.

— Я разбудила вас, Юрий Викентьевич? — послышался голос Екатерины Федоровны.

— Нет еще, — не совсем дружелюбно отозвался он.

— Извините, пожалуйста, но если мы с вами вчера договорились, то сегодня вам к третьему уроку. Лидия Васильевна не против.

Диванов помолчал, соображая, о чем речь, вспомнил и кисло отреагировал:

— К десяти буду. Вас устроит?

Всех устраивало, кроме Диванова. Он полежал еще с полчаса, раскачивая себя, и отправился в ванную.

Метров за двести до проходной почувствовалось что-то неладное: полдесятка милицейских машин, три пожарных, скорая помощь и непомерное скопление народа. Ворота раскрыты нараспашку.

Ближе всех оказался Железняк. Бледный, он как-то нервно курил, обжигая пальцы и взглядывая на учебный корпус.

— Что произошло, Стас? Опять ученья?

Время от времени в школе проводили пожарные игры, но эта ситуация на игру походила мало.

— Бомба в школе, — очень тихо ответил Железняк, словно от громкости она могла стетонировать.

— Да брось ты! У нас бомба? Мы что, Москва или Грозный? Кому надо нас взрывать?

В воротах показался первый отряд воспитанников, и Диванову стало не по себе — это уже совсем не походило на игру. Второй, третий, четвертый. Командовал милиционер с мегафоном.

— Отряды строем направляются в двадцать вторую школу. Две машины ГИБДД — в сопровождении.

— Учителя идут со своими классами, — в тот же мегафон прогудел директор. — Режимная служба — в голове и хвосте колонны.

Диванов настороженно осмотрелся и спрятался за пожарную машину: не дай бог забатрачат. Дать урок — одно, тащиться в чужую школу — казнь египетская. Рядом задышал Железняк.

— Маскируешься?

— На всякий случай, — ответил Диванов. — У меня сегодня уроков нет.

— Тогда по пиву? Я угощаю.

— От каких щедрот? — удивился Юрий Викентьевич.

— Настроение паскудное, а одному — совсем хана.

— Лады. Только у меня маленькое дельце. Ты Васильеву сегодня не видел?

— А на фига она тебе? Вертелась вроде.

— Ты постой минутку, я недолго. Уточню кое-что — и к тебе.

Екатерина Федоровна тут как тут.

— Ох, какие страсти, — прошептала она. — Как вы думаете, это по-настоящему бомба или шутка наших озорников?

Диванов пожал плечами. Откуда озорники могли позвонить? Да и шут с ними. Пусть органы разбираются. Компетентные.

— Вы когда уезжаете?

— Сегодня вечером.

— Давайте решим так: я дам уроки истории, а вы вернетесь и заберете мои часы. Не буду я напрягаться и вспоминать то, что толком и не знал никогда.

— Не скромничайте. Я помню ваши самоподготовки — очень профессиональные.

Диванову не раз случалось давать уроки не по специальности: английский, ОБЖ и даже литература, которую он знал неплохо, но как-то односторонне и часто не согласно с классической трактовкой любимых произведений.

— Но так удобнее: у вас сохранятся деньги, а я освобожу пару недель для личных нужд.

— У вас есть личные? — ехидно улыбнулась Васильева.

— Так мы договорились? Извините, мне пора. Удачной поездки.

Развернулся и отправился к Стасу, оставив девушку в сильнейшем недоумении.

Территория перед школой постепенно пустела. В корпусах работали кинологи. Из пожарных машин осталась одна. Бригада «скорой помощи» скучала в чреве реомобиля. У них время от времени потрескивала рация.

— Тебе какое пиво? — спросил Стас.

— Парочку светлого.

На Железняка раз в год накатывала благотворительная шиза. То ли появлялись левые деньги (он все еще играл и, поговаривали, устроил на квартире местное Монте-Карло), то ли просто требовала стесненная душа. И не то еще бывает.

— У тебя что с этой телкой? — спросил Стас, оторвавшись от своего перманентно крепкого пива. — Любовь? Детектива?

— С какой телкой?

— Ну, с математичкой.

— Какая любовь? Окстись! В мои-то годы!

Чур меня, чур меня. По работе. Просила взять уроки.

— А-а, я и думаю, чего тебя к этой чувырле потянуло?

— Ну, ты, Стас, даёшь, вполне приличная де-вушка.

— Не смейся, все они приличные. Мы как-то бухали с Саней Кувалдиным у него на хате...

— Кстати, как он? Давно не видел.

— Да что как? Жена ушла. Подрабатывает где-то, перебивается с хлеба на воду, с п... на кулак. Так вот, киряем, денег у нас не считано — дельце крутое провернули. Решили девочек вызвать. А дело днем, свои шлюшки на работах, пришлось в какую-то фирмочку звонить. Саня звонил, у него там уже контакт был. Мне, говорит, двух телок, лет под тридцать, не жирных и не тощих. Я ему еще сказал, мог бы и молоденьких заказать, но с молоденькими он очень уж быстро управляется. Не знаю, сколько времени прошло — звонок. Саня открывать пошел, я жду. Что-то, думаю, он долго базарит, пошел узнать, а он с сутенером или охранником, хрен их знает, на кулачках, Саня — он заводной, сам знаешь. Одна девка ничего была, а другой я не видел. Короче, Санька я оттащил, а те слиняли. Потом Кувалда рассказывал, что вторая, как его увидела, так и рванула в сиреневую даль.

— Ну и что? — Диванову самому не терпелось поведать вчерашнюю историю.

— А то! Еще пиво будешь? Нет? И я не буду, — вероятно, бациллы щедрости дали дуба, стерилизованные крепким напитком. — Короче, в этой убежавшей Санек вроде как признал математичку.

— Вроде как! — передразнил Юрий Викентьевич. — Когда она пришла в школу, его там уже не было. Откуда он её знает?

— Приходил иногда на проходную, а когда я на смене, поначалу даже частил — в картишки перекинуться. Значит, видел.

Диванова вдруг осенило, и он сразу поверил — было. До мельчайших подробностей припомнил вчерашний визит и понял — было. Она, пожалуй, с испугу подумала, что он выдумал рассказ о девицах по вызову, чтобы зацепить ее. А как иначе объяснить перемену в ней после рассказа? Но что-то не выходило, не выстраивалось, не склеивалось. Ошибаться в людях ему приходилось многожды, и когда

открывалось истинное лицо, он долго изумлялся, отчего не видел этого раньше. Это же так явно! Но сейчас ничего явного не вырисовывалось.

— Не верю я, — сказал он с нарочитой ленцой. — Да и бог с ней. Мы не судьи и не пастыри, нам со своими грехами разобраться бы.

— Да нет, я к чему? Думал, ты клеишь ее. А что? Баба она в соку, одинокая, не грех и улажить.

— Как ты думаешь, кто звякнул о бомбе? Ведь там сто пудов ее нет, не было и, надеюсь, не будет.

— Брось! Сейчас столько взрывают, что не удивлюсь.

— А я удивлюсь, если найдут. Что-то не припомню случая, чтобы позвонили, когда взавраду хотят взорвать.

Пиво уже допили, и Диванов между словами размышлял, чем заполнить остаток дня.

— Куда? — спросил Стас.

— В школу, потом домой.

— Не боишься?

— Чего? — не понял Диванов.

— Взрыва.

— Мне цыганка нагадала, что я умру в постели, оплаканный внуками. Пойдешь со мной?

— Чего я там не видел? Пока. Шлюшке привет.

— Да пошел ты!

Юрий Викентьевич шел до последней выбоины знакомой улицей, не замечая ничего вокруг. Ему и в школу, собственно, идти было не к чему, просто хотелось отвязаться от Стаса.

На территорию школы по-прежнему не пускали. На вахте сидел Владимир Николаевич Брыкин.

— Привет, Володя! Как наши доблестные спецслужбы? Роят?

— Что им еще делать остается? Школу уже перелопатили. Сейчас — бомбоубежище, потом — спальный корпус, мастерские. Раньше чем к обеде не закончат, так что отдыхай.

— Я выходной, — не стал говорить, что есть уроки за Васильеву.

— А зачем пришел?

— Убедиться. Услышал, что враги сожгли родную хату.

Владимир Николаевич рассмеялся. Хоть и подполковник в отставке, а чувство юмора и ему знакомо.

— Ты чего на вахте? Кто-то не вышел?

– Дневного отправил в двадцать вторую школу. Неохота было туда плестись. Там — груши околачивать, а у меня с бумагами запарка.

– Здесь больше никого наших?

– Никого.

– Ну, и я ушел. Позвоню тебе через пару часов.

– Да. Менты вроде звонившего вычислили. Краем уха слышал, но толком не понял.

К вечеру картина прояснилась окончательно. В школе ничего не нашли, а телефонного террориста арестовали. Диванову даже звонить не нужно было: включил местные новости и оторопел: на экране крупным планом светился Марат Чернов.

– Почему вы это сделали? — вопрошал любопытствующий журналист.

– Я не думал, что это вызовет такой резонанс, — сильнее обычного заикаясь, ответил Марат Васильевич. — Это была просто шутка. Больше я ничего не скажу.

Чернов отвернулся от камеры. Он был заметно пьян.

А в школе на другой день хохот стоял гомерический. Кто-то принес версию, что Васильич с утра, по обыкновению, лыка не вязал и, чтобы не идти на уроки, выдумал бомбу. Дамоклов меч увольнения висел над ним с полгода, и нить могла оборваться в любой момент.

Так обстояло дело, нет ли, но Чернов был взят под стражу и ожидал судебного возмездия.

Не до смеха было только директору, Олег Дмитриевич ждал прокурорскую проверку.

1980, ноябрь

— Пора вам, Юрий Викентьевич, менять специализацию, — сказала Личанская. — Засиделись в режимниках. Это не ваше место. Деградация. Да и Каратаеву я обещала перевести вас в воспитатели.

Не забыл Сергей Сергеевич, низкий поклон ему. Режимка и на самом деле надоела — третий год пошел.

– У вас уже достаточный опыт, пора его расширить и применить. Пойдете на седьмой «б». К Ирине Петровне. Сработаетесь! — повысила голос, увидев кислую мину на лице Юрия Викентьевича.

Диванов — натура мягкая, соглашательская, но Ирину Петровну Бодаеву он на дух не переносил и имел с ней пару-тройку стычек. Но стычки — явление рядовое, а почему не терпел, объяснить даже при огромном напряжении интеллекта не смог бы.

График работы был адовым. Подъем в семь тридцать. Зарядка, заправка, уборка, туалет, завтрак. В девять — сдача воспитанников учителям. По головам и под запись. В четырнадцать милых детишек надо принять, накормить обедом и в пятнадцать сдать в мастерские, где воспитанники превращались в токарей, слесарей и столяров. Необходимо сказать, неплохие деньги зарабатывали на обувных полочках, английских замках и посылочных ящиках. Самые маленькие споро клеили конверты для бандеролей. В восемнадцать мастера возвращали рабочий класс воспитателям. Ужин, вечерняя приборка, туалет и в двадцать один тридцать — отбой. Заступали ночные режимники. Таких было три дня в неделю. Это изматывало. Только на дорогу уходило три-четыре часа, в зависимости от регулярности движения автобусов. Еще три дня — два выхода: подъем и с четырнадцати до отбоя. В эти дни полегче: кружковая работа, библиотека, хозяйственные и воспитательские часы, самоподготовка. Есть время расслабиться: попить чайку и поболтать.

По молодости и семейной расхоложенности графиком Юрий Викентьевич особенно не тяготился. Тем паче что им овладела великая идея создать если и не идеальный, то вполне добропорядочный отряд, из которого по выпуску никто не отправится на зону.

– Хоть вы меня и обидели в прошлую встречу, — сказала Ирина Петровна, — я все равно рада, что будем работать вместе.

Чем обидел свою новоявленную напарницу, Юрий Викентьевич никак не мог взять в толк. Год назад на Дне учителя они едва не целовались (впрочем, тогда Диванов был готов целоваться со всем человечеством), а потом, после случая с Морозовым, словно кошка пробежала, разошлись, как разведенные супруги, хоть и пересекались они нечасто: иногда на отряде подрабатывал, иногда брал ночную режимную смену. Может быть, от того, что едва не целовались? Но не мог себе позволить добропорядочный Диванов школьного флирта (нет, флирта

еще куда ни шло — скоротечной связи, а уж тем более романа), берег честь непорочную.

— В каждой семье должны быть мама и папа, так и мы с вами будем изображать нечто подобное.

Юрий Викентьевич согласно кивнул головой и тут же предложил выработать совместные тактику и стратегию. Антипатия антипатией, но дело делать приходится общее.

— Я очень не хочу, чтобы левая рука не ведала, что творит правая, — сказал он. — Есть два принципиальных момента, очень важных для меня. Первое, я не могу позволить, чтобы за бугров шестерки выполняли их работу. Это не то что несправедливо, это душеразьедающе. Понимаю: авторитет командира и так далее, но не этим он держится. Не кулаками и не постиранными носками. Давайте найдем им такие работы, чтобы отцы-командиры сами и охотно красили забор.

— Какой забор?

— Перечитайте Марка Твена.

Ирина Петровна поджала губы.

— И второе. Я не могу поддерживать дисциплину сигаретами. Давайте найдем другой способ.

А этим пользовались многие. Никто ни тайком, ни тем более прилюдно курева не давал, а вот оставить сумочку с табачком на столе — дело иного сорта. Тут можно и закричать при дурном раскладе: караул! Обокрали! Замечание, конечно, сделают, но — и все. Не совсем всё: курящая женщина в школе — ну пусть не ЧП, но у Саидыча на планёрке прозвучит.

— Я не даю им сигарет, — Ирина Петровна покраснела и задержалась. — И вообще, что вы меня поучаете? Я в этой школе со дня её основания, у меня опыт, уже несколько выпусков...

— Успокойтесь, Ирина Петровна, — Диванов понял, что круто завернул. — Это я у вас учиться буду.

В тот же вечер Юрий Викторович собрал отряд в спальне для откровенного разговора. Он надеялся силой логических умозаключений и ораторского вдохновения обратить мальчишек в свою веру.

Воспитанники расселись по койкам, а Диванов на стуле в проходе между двумя рядами кроватей.

Двадцать два пацана. Кто-то оценивающе смотрит на нового воспитателя, кто-то уста-

вился в окно, за которым ранняя темень и ничего не происходит, но все сидят смиреннько — без возни и говора.

Рядом с Юрием Викентьевичем командир отряда Борька Михеев, более известный по кличке Боб. Его слово в отряде куда как более весомо, чем, скажем, директора. Он долгих диспутов не заводил, а резко выкидывал два весомых аргумента — убойной силы кулаки. Чемпион города по боксу среди юношей. Спорить сложно.

— Ну что, ребята, будем знакомиться? Хотя я вас знаю и вы меня не первый раз видите, но хочется поближе. Ваши личные дела я пролистаю завтра и думаю, найду там много занимательного, а сейчас каждый в двух словах расскажет о себе: откуда, за что, семья и так далее, — хотелось говорить попроще, но не выстраивалось: пацанячий язык выглядел бы ещё хуже, нарочитее.

Энтузиазма призыв воспитателя не вызвал. Юрий Викентьевич заглядывал в отрядный список, называл фамилию, воспитанник вставал, бормотал что-то невнятно и садился. Идиому в двух словах они приняли буквально. Или захотели так принять. В целом они были куда сложнее, чем прикидывались. Мол, валенком я пришибленный, чего с меня взять?

Тон взял не тот? Слов не нашел подходящих?

Разговор не состоялся, и тогда Юрий Викентьевич передал в качестве информации к размышлению то, о чем говорил с Ириной Петровной, только более жестко.

Результат получился неожиданным и горьким. Сработал первый закон Ньютона: на всякое действие есть свое противодействие. Как аукнется, так и откликнется. В первый же подъем Юрий Викентьевич проконтролировал заправку постелей и удовлетворенно крякнул: бугры заправляли сами. Неплохо было бы узнать, как шла заправка на смене Ирины Петровны. Уборка участков пока шла по старому графику, но он попросил свободных командира и режимника по нитке выровнять кровати и подушки.

— Привыкайте к жизни армейской, — весело улыбаясь, сказал он. — Там всё именно так. И нитки снова наматывайте на катушку, иначе нам Ирина Петровна головы поотрывает.

И сам подсуетился вместе с ними.

На зарядку вышел в спортивном костюме, пробежал с отрядом три круга по стадиону,

чуть покрытому первым нарастающим снежком, подгоняя вдруг заболевших и охилевших. И даже руками помахал под команды спорторга школы — пацана насквозь спортивного: и футболист, и хоккеист.

Эта выходка Диванова вызвала не только кривые усмешки воспитателей, опасавшихся, как бы дурной пример не привнес заразу в их организмы, но и одобрение воспитанников, если и не всех, то его отряда — точно. Вот, мол, наш какой, не чета вашим.

Школа, как и при Каратаеве, всё еще жила спортом. В шести спортивных кружках занимались две трети воспитанников. В городе равных ей не было, во всяком случае, среди школ-интернатов — точно. А боксеры вчистую били ребят даже из специализированной школы.

Диванов спортом никогда не занимался, исключая дворовые игры, но сложен был вполне прилично, и три круга по стадиону — миленький пустячок, не более.

Скандал случился дня через три. За каждым отрядом был закреплен участок территории. Дворника и уборщиц школа не имела и поддерживала достойное санитарное состояние силами воспитанников. Накануне выпал обильный снег, и вместо хозяйственного часа, на котором детки ваньку валяли, Юрий Викентьевич повел всех на уборку.

Выходили охотно: чем томиться в душной и тесной бытовке, лучше в снегу порезвиться, благо погода стояла мягкая, неморозная.

Дворницкий инструмент хранился в кладовке на проходной и был доступен всегда. Но неохотно разбирали орудия, а актив отряда лопаты и метлы брать не захотел.

— Мы контролируем работу, — заявил отрядный режимник Лом, он же Гена Ломовой. Или — Крокодил, для тех, кто стоял на иерархической лестнице повыше его. Для нижестоящих уважительно — Лом.

— Не много ли вас, — Юрий Викентьевич пересчитал, — шесть контролеров? Я и один справлюсь.

— Нас так Ирина Петровна распределила, а она главное вас, — попытался уколоть Михеев.

— Может быть, и главное, неважно, — Юрий Викентьевич злился, но старался держать себя в руках. — Когда я на отряде, я и распределяю. Усекли? И с главной Ириной Петровной поста-

раюсь договориться. Вам, контролеры, по благу разрешаю выбор: или метлы, или лопаты.

— Мы не будем лопатить, — твердо возразил Боб.

— Тогда метельте, — не менее твердо ответил Юрий Викентьевич.

— И метелить не будем.

Нашла коса на камень. Упаси господь перейти ситуации в перебранку, как это часто случалось у его коллег. По своему, пусть еще небольшому опыту Диванов знал, что они почти никогда не кончаются победой взрослого. Последнее, скорее всего, матерное и на ты, слово останется за ними. Он вспомнил изумительную по содержательности стычку Галины Павловны с Никитой Чувырлиным. Диванов застал финальную мизансцену.

— Я тебя научу поливать цветы! — кричала в лицо Никите, разбившему горшок. — Ты дебил! Ты выbleддок!

— Ты сама блядь! — изошелся воплем и крупной дрожью Чувырлин.

Давно замечено, что отрицательно отзываться о матерях не позволит и самый последний воспитанник, а Чувырло хоть и псих, но не последний. Он тогда не сильно и наказан был, поскольку Личанская посчитала поведение Галины Павловны провокационным.

— Хорошо, — сказал Юрий Викентьевич и тут же скомандовал:

— Построились! В бытовку, шагом марш!

Отряд нехотя двинулся к входу в спальный корпус. У дверей нестройно остановился.

— Ладно, — сказал Лом, — мы будем убирать.

— Вы мне одолжение делаете?

— Нет, — честно признался Боб, — в бытовке париться неохота.

«Что ж, — подумал Юрий Викентьевич, — ход выбран правильный».

Ему стало весело, и он, подхватив деревянную лопату, первым кинулся на снежный занос. Его порыв передался воспитанникам, и все с гиками и криками, нырками и переворотами последовали за ним.

Нет, не все. Трое или четверо, краем глаза заметил Юрий Викентьевич, сгрудились возле командира и о чем-то перешептывались. Ничего хорошего в этом не было. Недаром Мамедов запрещал собираться больше двух без взрослых. Задача, правда, невыполнимая. «Не

побег ли замышляют?» — подумалось Диванову, и он отложил лопату.

— Какие мировые проблемы обсуждаем? — спросил он, настороженно и деланно улыбаясь.

— Да так, — ответил Лом, и ребята разошлись.

Из мастерских возвращался последний отряд первого коллектива. Следом за ним шел бдительный Володя Пеньков.

— Владимир Иванович! — окликнул его Диванов. — Подойди, посоветоваться надо.

Пеньков в школе со дня её открытия, и секретов в ней для него нет. Ни с какой стороны. Профессионал высочайшего класса, но с очень своеобразными взглядами на педагогику: он считал детей контингентом и обращался с ним соответственно.

— Лады. Давай покурим.

Обыкновенно Юрий Викентьевич при детях не курил. Дабы не соблазнять и не провоцировать. Но сейчас ситуация особая. Он угостил Владимира Ивановича сигаретой и поведал ему свои опасения.

— Разберемся, — успокоил Пеньков. — Не дрейфь. Проведем профилактическую работу, выявим смутьянов, накажем-намажем, и все будет в полном ажуре.

Диванов легко мог запаниковать (особенно, если включалось его не бедное воображение) и так же легко успокаивался, когда кто-то опытный и уверенный вносил хоть бы легковесную струйку оптимизма.

Когда участок был расчищен, Юрий Викентьевич взглянул на часы и милостиво разрешил:

— Можно беса гонять.

У школы — свой язык, которым одинаково пользовались и дети, и взрослые. Привычные слова зачастую коренно меняли своё лексическое значение. Так, любимое словечко старшего воспитателя Федора Ильича «не паникуй» не имело ни малейшего отношения к панике и означало: веди себя прилично. Гонять беса на улице в разумных пределах всемерно поощрялось, лишь бы меньше бесились в игровой и спальне, изведя энергию вовне.

Возвращались в спальный корпус, растратив на бесов еще и час воспитателя, совсем миролюбиво.

Последним по расписанию был библиотечный час, а его пропускать было строжайше запрещено.

Месяц назад появился новый библиотекарь — милая женщина лет сорока-сорока пяти, сменив на этом ответственном, но слабо оплачиваемом посту легкомысленную девицу самого ветреного поведения.

Юрий Викентьевич еще не был с ней знаком, а потому всматривался пристально и слушал внимательно. Звали ее Вера Ивановна Безыконникова, была она женой военного, в городе недавно, имела дочь-школьницу и выглядела весьма и весьма привлекательно.

Библиотечный час делился на две части. В первой шло ознакомление с новыми книгами, а во второй — короткая, минут на пятнадцать, беседа на различные, часто атеистические темы.

Сегодня она говорила об образовании Вселенной.

Диванов усмехался: любопытно, когда глобально неразрешимые вопросы легко решают люди, далекие от них.

— А теперь посмотрим, как эта проблема освещается Библией, — голос у Веры Ивановны тихий, но проникновенный. — За шесть дней Бог создал и небо, и землю, и звезды, и животных, и растения, и людей. Возможно ли это? Кто из вас, ребята, ответит?

Ребятам, разморенным теплом и уютom после снежного бесовства, было как-то до лампочки, сама Вселенная сделалась или какой-то боженка, не сильно напрягаясь, слепил её.

Вера Ивановна заглянула в шпаргалку и подняла взор свой на Диванова:

— А вы как думаете, Юрий Валерьевич?

— Викентьевич. Я думаю, Библию нельзя принимать как учебник астрономии. Она — миф, но не в обиходном смысле этого слова, легенда там или сказка, а как аллегорическое воспроизведение мирозерцания человечества того времени.

Диванов был атеистом, но только по воспитанию, а никак не по убеждению. Убеждений у него не было, поскольку они догма, а на всякую догму в поисковом мозгу тут же находилась антидогма.

Между двумя взрослыми завязалась легкая пикировка, чем воспользовались воспитанники — благополучно задремали.

Времени на обмен книг оставалось совсем мало, и он проходил в спешке.

— Юрь Викентич, — затараторили дитятки, — на ужин опоздаем.

— Духовная пища превыше всего, — парировал Диванов, чем вызвал благосклонную улыбку Бельконниковой.

«Мы подружился», — подумал воспитатель.

Пацаны почему-то решили, что взрослые сильно спорили, а победил ихний. От прежнего конфликта вроде бы не было и следа, но Юрий Викентьевич чувствовал, что напряжение осталось. И оно еще усилилось после эпизода с носками.

Самый забитый и шестерочный в отряде — Митя Иванько. Он постоянно вертелся у ног Юрия Викентьевича, верно по-собачьи чуя, что он здесь под надежной защитой. Ходили упорные слухи, что мальчонку сексуально используют и в отряде, и вне его. А он всем сам, охотно и не смущаясь, рассказывал, что в побеге частенько расплачивался с дальнобойщиками своей попойкой. Но поймать на факте как-то не получалось. Или никому это не было нужно.

Юрий Викентьевич сидел за столом в игровой и заполнял рапорт — эдакий дневник, оценивающий жизнь отряда и каждого воспитанника в отдельности в течение суток, зеркало, и не всегда кривое, когда мимо него прошлепал Митя с охапкой носков в руках.

— Куда? — спросил Диванов.

— Потники стирать.

— Это что, все твои?

Иванько кивнул головой, и напрасно — у него вечно не было носков. То ли он выкидывал их, то ли не хватало времени свои постирать, но частенько по недосмотру воспитателя он отправлялся в школу в ботинках на босу ногу, а там всевидящий Владимир Иванович разворачивал отряд и отправлял на доэкипировку.

— Возвращайся в спальню, — приказал Юрий Викентьевич и встал из-за стола.

— Товарищи бугры, — обратился он к активу отряда. — Отныне каждый свои потники, то есть носки, стирает сам. А особо ленивые и неумелые после бани сдают в прачечную. Усекли?

Может быть, напрасно он это сделал. Или слишком шустро. Поторопился-погорячился. Во всех десяти отрядах в обоих коллективах шесты стирали потники буграм. Дурная, но традиция. И не худшая среди многих. И вдруг ее ломать не стоило. У Диванова еще свежи были армейские воспоминания: пресловутая дедовщина, с которой он по мере сил пытался бороться,

впрочем, не очень успешно. Хотя в туалет на плечах стариков не носил и задницы им не подтирал.

Не требовалось большого аналитического ума, чтобы увидеть множество общих черточек между казармой и интернатом. Диванов всегда говорил, что с дедовщиной надо бороться не в армии, а в детском саду, школе или там ПТУ. Позже — бесполезно.

И внешне: коротко остриженные, в поотрядном строю, с речевкой и песней — чем не армейская картинка? Строй Диванов ненавидел каждой молекулой не приученного к ярму тела. В детский сад он, слава Небу, не ходил (это сейчас слава, а тогда была обида: Жорка ходил, и его там вкусно кормили, но это со стороны, в чужих руках и черный хлеб слаще), нянька пестовала. Был в школе пионерский строй, романтический, в светлые дали зовущий, призывающий собирать макулатуру и металлолом. Он не раздражал. А вот армейский и, как он понимал, зековский призваны усреднить и обезличить, из сотни индивидов сделать массу. Впрочем, пионерский тоже обезличивал.

Между Юрием Викентьевичем и активом образовалась стена. Отчуждения.

На другой день у Диванова подъема не было, но он подъехал к девяти часам. Нужно было встретиться с Ириной Петровной, а randevu не обещало быть приятным, и посидеть за личными делами.

Но скандала не случилось.

— Я не ожидала от вас такой прыти, — с ярко выраженным раздражением процедила Ирина Петровна. — Наломаете дров и отряд мне развалите, а я с таким трудом в кучу его собирала.

— Извините, Ирина Петровна, возможно, я и поторопился. Но это ведь так унижительно — быть рабом своих одноотрядников. И актив разворачивается. Когда-нибудь это следовало сделать.

— Вы хотя бы со мной согласовали, — помаленьку отходила Бодаева. — Прихожу сегодня на подъем, а тут такой афронт.

— Я специально и приехал, чтобы согласовать, — слегка приврал Юрий Викентьевич.

— Ну, хорошо, будем гнуть одну дугу.

Менялось отношение Диванова к своей напарнице. Он попытался взглянуть на себя ее глазами и ужаснулся. Явился не запылелся некто со стороны и с места в карьер начал устраивать свои порядки. Тут, естественно, и

уязвленное самолюбие, и внутренний протест, и, может быть, ревность. Да она не просто мягко — любовно к нему отнеслась.

Ирина Петровна — своеобразный человек. Самое главное — с мужской логикой, её можно убедить, не прибегая к жесткости. Безмужняя и бездетная по причине какой-то женской немощи, но никогда не жалующаяся и не стенающая, она находила выход нерастраченному материнству на работе. Женщины подобного типа чаще всего злобны и брюзгливы, но Бодаева была исключением из правила, впрочем, не таким уж и редким. Воспитанники двояко воспринимали её квохтанье: одни относились к ней если и не по-сыновьи, то близко к этому, другие — откровенно усаживались на шею и пытались погонять. Ирина Петровна одинаково воспринимала и то и другое. В семье не без урода.

Личные дела воспитанников были близнецово похожи друг на друга, словно их составляли в одной комиссии и писали под копирку: кражи, бродяжничество, непосещение школы, иногда — разбой и совсем редко нанесение тяжких телесных и даже убийство. Семьи почти у всех неполные, но чаще всего с братьями и сестрами от разных папаш, которых или не было в наличии, или находились в местах, называемых почему-то неотдаленными. И матери у большинства были лишены родительских прав, но отношение к ним, как успел заметить Диванов, было нежным, во всяком случае, в их отсутствие. Диванов поймал себя на мысли, что он готов оправдать пацанячьи кражи. Кушать хочется каждый день. А где еду добыть, если горячо любимая маманя каждый день к вечеру в стельку и кроме палёной водки в дом приносит разве что полбулки хлеба?

С дурным настроением шел в школу принимать детей Юрий Викентьевич. Как больному в поликлинике кажется, что весь мир болен, и не просто, а неизлечимо, так и после прочтения личных дел ему казалось, что весь мир преступлен, и это не было наваждением.

Линейку он прослушал вполуха и не обратил внимания на то, что его отряд вел себя развязнее остальных: мальчишки разговаривали и подталкивали друг друга, а потому и уходили последними — по дисциплине. В вестибюле Володя Пеньков остановил отряд, сделал легкое внушение и

отпустил с миром. По положению Юрий Викентьевич должен был выходить первым, чтобы контролировать ситуацию на выходе, но замешкался, переговариваясь с Владимиром Ивановичем, а когда вышел на улицу, обнаружил, что отряда осталось шесть человек. Он еще успел заметить несколько фигур на заборе, которые тут же исчезли.

— Побег! — крикнул он, врываясь в вестибюль.

Тут же был поднят актив школы, и по горячим следам удалось задержать троих. Остальные растворились.

— Что мне с вами делать? — не сдержалась — крикнула директор школы. — Мне же увольнять вас надо! Ну, куда ни киньте — везде прокол на проколе. Или опять в режимную службу?

Юрий Викентьевич молчал, тупо глядя на начальственный стол. Не было мыслей в его осоловевшей голове, кроме, пожалуй, одной: где она нашла проколы, если он на отряде всего ничего?

— Ну, что делать будем? — повторяла Личанская.

— Не знаю. Что-то не слепилось в отношениях с активом.

— Знаю, что не слепилось! Круто взяли! Самый принципиальный в школе? Тринадцать человек в побеге! По вашей... принципиальности!

— Не могу я, Светлана Андреевна, иначе. Увольняйте, что же еще, — сказал, но чувствовал, что гроза на излете.

— Решаю так, — Личанская постепенно успокаивалась, но командирские раскаты все еще гнали упругие волны. — Найдутся быстро и не попадутся на кражах — считайте, повезло. Объявлю строгий выговор, но в личное дело и в книгу приказов заносить не буду: первая же прокурорская проверка носом ткнет. Но если прокозлятся — извините. Идите работайте.

«Вот и ее лексикон обогатился, — усмехнулся про себя Диванов. — А выговор на воротах не виснет».

И понимал, что не наказать она просто-напросто не может.

А чего работать? Трое в карцере, шестеро в бытовке под присмотром Володи Пенькова. И ведь кто не убежал? Актив! Ничего! Командир с режимником сегодня туалет и умывалку драить будут! До музейного лоска! Такая выпадает неприятная планида.

Юрий Викентьевич и не заметил, как командирские интонации директора обжились в нем самом.

— Вот что, Боб, — тихо сказал Диванов, едва за Пеньковым закрылась дверь, — нашим неудавшимся побежникам дали по трое суток. Пока они сидят, ты и Лом умывалку убираете. Никаких выходов в город, пока последний не будет в школе. Даже на тренировки. А ты, Гена Ломовой, — он произнес фамилию враспяжку, — с этого дня не режимник отряда.

На карту было брошено все: и репутация, и дальнейшие взаимоотношения с отрядом. Выигравший эту баталию выигрывал всю кампанию.

— Это почему? — взъерепенился Лом. — Не ты меня поставил!

— За ты будешь в игровой до полночи стоять. А потому, что на фиг мне такой актив, у которого отряд разбегается. Я думаю, тебя легко заменит Сёма Бочаров. Ты как, Сёма?

Тот пожал плечами и ничего не ответил. То же верно. Спешка ни к чему, как еще дело обернется.

Расчет был прост: Бочаров и Ломовой жили на ножах, и легкий перевес Лома складывался только благодаря поддержке директора, с которым Юрий Викентьевич надеялся договориться.

— Все. Дебаты закончены, строимся на ужин.

— Ни хрена не закончено! — закричал Лом, хватая цветочный горшок. — Ни мыть, ни стоять не буду! И пошел ты на!..

Цветочные горшки, бывало, лётывали, но только у психов, а таких было немного, и Гена не из их числа. Он явно провоцировал на удар, но реакция Юрия Викентьевича была обратной: он успокоился.

— На проходной один карцер свободен.

— Отведи меня к директору!

— Шас! Веди, Боря, отряд в столовую, а я с этим... фраерком — на проходную.

Михеев неожиданно присмирел. Ни звука не произнес в защиту своего дружка. Оно и понятно: в августе выпускаться, да и выкладка оказалась неверной: Дивана не уволили и не заставили иначе относиться к активу. Как бы и нет побега. Ну, директор!

На проходной притих и Лом. С режимниками понты не проходят. Евгений Александрович еще домой не ушел и допросил Ломового с пристрастием, а когда услышал про цветоч-

ный горшок, и вовсе расвирипел — он был ма-ниакальный кактусоман.

— Докладную напиши, ну, напишите, — не то попросил, не то приказал Гусев.

Но Юрий Викентьевич помпорежу уже номинально не подчинялся. У него свое начальство.

— Не буду я сейчас писать, пусть посидит до отбоя. Охолонет — заберу в отряд, нет — напишу.

У других воспитателей этот номер не прошел бы, но Диванов — свой, ему отказывать — не по справедливости.

— Объяснительную-то он у меня все равно сочинит, — решил оставить последнее слово за собой Евгений Александрович.

— Это как вы сами посмотрите.

— Ладно, делай как знаешь.

Никто не обратил внимания на вновь возникшую фамильярность.

После ужина оставшаяся великолепная пятерка без понуканий принялась за приборку, и Диванов понял, что поле битвы осталось за ним, что шаг его был рискованный, но верный.

— Митяй, а ты чего не побежал? — спросил Юрий Викентьевич у мывшего игровую Иванько.

— А, — махнул рукой Митя, — мне через забор не перелезть.

Забор и на самом деле мог взять не каждый. Трехметровый, с козырьком вовнутрь, он внушал уважение. А пацаны брали. Не все, конечно, но многие. Хотели было при Сергее Сергеевиче (и до него тоже) заменить металлическую сетку на козырьке колючкой, да прокуратура вмешалась:

— Вам еще и вышки по периметру, и собак сторожевых? Это учебное заведение, а не зона для малолеток.

— Смог бы, побежал бы?

— Не знаю.

— Побежал бы, — обреченно вздохнул Юрий Викентьевич. — Может быть, даже первым.

Митя мыл пол у стола, за которым Диванов художественно сочинял докладную о побеге.

— Я знаю, где побежники, — прошептал воспитанник.

— Ну и...

— Только никому не говорите, что я сказал.

— Зуб!

— На Достоевского. В зеленом двухэтажном доме, в подвале.

— С меня сгущенка, — брезгливо поощрил Диванов.

— Да я же за просто так, за порядок, — вроде бы даже и обиделся.

Хотя подобный тип людей не обижаются. Угодливая порода. Тут уже никакое воспитание-перевоспитание не поможет. Трусливые собаки (не те, что поджимают хвост, поджимающие не перед всяким трусят, понимают ситуацию) ложатся на спинку и поднимают лапы, мол, вот он весь тут я. Митька был похож на такую собачонку. И закралось подозрение, что не знал Митька, где прятались побегники, что это Боб пошёл на пятный, а самому сдавать — запаadlo.

Генку Ломового привел Граббе.

— Забирайте, Юрий Викентьевич, этого слизняка. Расплакался, рассопливился. Не мужик — балалайка.

— Пошел в отряд, — не глядя на приниженного Лома и сквозь зубы произнес Диванов. — На неделю — мыть туалет. Еще, Валентин Яковлевич, прошу вас удовлетворить просьбу этого пылкого юноши со взором горящим — дайте ему постоять часиков до двадцати четырех в красном углу.

На другой день в половине девятого утра одиннадцать побегников были доставлены в школу. Как ушмыгнули двое — никто не понял и не видел. Взяли их тепленькими, еще беспризорно спящими на каком-то грязнушем тряпье, побратски прижавшимися друг к другу, и большинство из них проснулось только в школьном автобусе. Вместе с мальчишками погрузили девять курточек и два пальтеца, умыкнутых, вероятно, из гардеробов соседних школ. Свою верхнюю одежду воспитанники спецшколы получали только при выходе или на хозяйственные работы, или в город.

Ускользнувшие двое вернулись в школу сами, к вечеру, по причине полной бесперспективности дальнейшего автономного существования — они были не местными.

Теперь Диванову оставалось ждать, не будет ли к школе претензий со стороны правоохранительных органов, но текли дни, и ничего не происходило. Даже обещанный изустный выговор не прозвучал: то ли не был вынесен, то ли проскочил втуне. Принимался во внимание и тот факт, что заслуга задержания негодяев, бросивших тень на светлый лик школы, всецело и неразделимо принадлежала ему.

Курточки и пальтишки остались не востребованными.

«Не ходить же по школам и спрашивать, не было ли у них краж», — думал Юрий Викентьевич, с ужасом сознавая, что его принципиальность дает трещинку, и, может быть, уже не первую.

1983, ноябрь

Его били в туалете и били грамотно: по почкам, по печени, не оставляя следов. Гера поначалу увертывался и отвечал ударами, не целясь, и попадал, но скоро сломался и только пытался закрыться сложенными руками. Момент был выбран удачный: на коллективе не было ни одного режимника — кино смотрели в актовом зале. Обычно кто-то один оставался, но вчера на воскресенье привезли «Кавказскую пленницу» и решили, что за порядком нормально проследит командир школы.

— Это, паскуда, предупреждение, — сказал Ремнев, участия в экзекуции не принимавший. — Завтра принесешь пачку сигарет.

Саня Ремнев был командиром школы, и его все боялись. Кроме, может быть, Сашки Нарыльского, у которого и кликухи не было, и Лешки Дураева по кличке Гонщик. Он в спецухе за угоны мотоциклов. И еще никого не боялся Фофан, но он был тупой, как задница слона.

— Ты понял?

Гера покачал головой, хотел что-то сказать, но закашлялся и долго не мог остановиться.

— Шухер! — крикнула шестерка из игровой.

Все врассыпную кинулись в спальни, а Гера, пристанывая сквозь сжатые губы, направился в умывалку и сунул голову под холодную струю. Он так и не понял, за что его били. Никому тропинку не пересекал, ни с кем не ссорился — поди разберись. Но если бы он сумел проанализировать ситуацию, то врубился: сородичи всегда бьют альбиносов.

В игровой на диване сидел режимник Валентин Яковлевич.

— Ты чего не в койке? — спросил он.

— Живот прихватило.

— В санчасть не поведу, до утра терпи.

— Пройдет, — ответил Гера и зашлепал в спальню.

— А почему без тапок?

– Торопился.

В дальнем правом углу тускло светил ночник. Гера откинул одеяло, лег и тут же вскочил, с трудом сдержав крик: простыня была мокрой. Он снял ее и развесил на батарее центрального отопления. Пододеяльник тоже. Перевернул тюфяк – внизу он был сухим – и с головой накрылся одеялом. Его трясло от холода и обиды.

В спешу он попал ни за что. Не крал, не вдыхал пары бензина, не нюхал клей «Момент» и даже не курил. Вся вина его была в том, что он не ходил в школу. Случился скандал с англичанкой, в которую он влюбился с первого ее появления, настолько она была хороша. В шестом классе на контрольной работе он выложил все свои знания языка, написав: «I love you. Only you. I wont you all life». В последнем предложении не было ничего такого, просто неуклюже высказал мысль, что хотел бы быть с ней всю жизнь. Свою жизнь. Англичанка раззвонила на всю школу, классная вызвала отца, и дело приняло вселенский масштаб.

– Ты позоришь имя героя-космонавта! – разодралась классная – нервная худая женщина.

– А ты – вождя революции.

Один был Герман Титов, а вторая носила фамилию лидера мирового пролетариата – Ульянова.

Педсовет вынес решение: публично перед всей школой принести извинения обеим учительницам, но Гера сказал, что это они должны извиниться, и больше в школу не пошел.

Первого сентября он написал заявление о переводе в вечернюю школу, куда его по малолетству не перевели. Других школ в поселке не было.

Через полгода шатаний и брожений комиссия по делам несовершеннолетних вынесла вердикт: за злостное уклонение от учебы определить...

Эх, взрослые дяди и тети! Откуда вам знать, что, определяя мальчика в специальную школу-интернат закрытого типа для трудновоспитуемых детей, вы отправляете его на курсы повышения квалификации и приобретения новых специальностей в криминальном мире. Пришел мальчонка с одним огрехом, выпустился – с букетом. Учиться он, конечно, будет, но не только у учителей: самым продуктивным преподавателем станет детский коллектив.

– Доброе утро, мальчики, подъем, – противный голос Галины Павловны разрушил легонькую пелену сна, едва накрывшую Геру под самое утро. Голова болела и плохо соображала. Кажется, вчера досталось и ей.

– Быстро, быстро, мальчики, на пробежку. У тебя что, Герман, энурез? – Галина Павловна указала пальцем в сохнувшее постельное.

– Воду пролил нечаянно, – буркнул Титов и потянулся в игровую.

– А зачем тебе вода понадобилась?

Но воспитанник игнорировал вопрос.

Командир отряда уже покрикивал, выкидывая из туалета нерасторопных: отряд не должен выйти последним. В бытовке надеть спортивные костюмы и опять быстро построиться.

А на улице уже стоят отряды. Школа ждет. Дождя нет, ветерок почти не чувствуется, но воздух сырой, быстро заползает под одежду и ботинки, ознобом вытесняя накопленное за ночь тепло. Все без носков – так быстрее. Последним вываливает пятый «а». Им сегодня драить первый этаж. Кому хочется вместо развлекательного часа вылизывать грязь на самом затоптанном участке? Поэтому на выходе доходило до драк, когда два отряда вместе протискивались в дверь, но это случалось редко, режимники регулировали движение, если не хотели подцохнуть.

Наконец спортторг школы, по пояс голый пятнадцатилетний боксер и чемпион города Витька Тулеев, он же Тула, командует «бегом марш», и двести шестнадцать пар ботинок засучали по асфальту.

А по центру стадиона уже стоял Хаджи Саидович Мамедов – заместитель директора по воспитательной работе. Под его взором ряды становились ровнее, бег синхроннее, и больные, которых к зарядке становилось изрядно, бежали резвее здоровых.

После зарядки – личная гигиена (Диванова всегда умиляла эта формулировка в планах воспитателя, но как написать иначе – ума приложить не мог) и приборка.

– Пойдем, на шухере постоишь, – попросил Геру Петька Федосеев.

Весь спальный этаж разбит на участки, и каждому есть что прибираться: четверо моют спальню, один поливает цветы и вытирает подоконники, двое по нитке выравнивают кро-

вати и подушки, бытовка, туалет, умывалка, коридорчик, лестница.

Ведр и тряпок вечно не хватает, и хоть ведра надписаны, более расторопные хватают первое попавшееся. Воспитатель искать тебе ничего не будет. Достань.

Петька — единственный в отряде, с кем Гера хоть сколько-нибудь сблизился. Он местный, городской и уже почти два года в спецухе, но встать на защиту нового приятеля не может — не нажил еще авторитета.

На шухере — значит, Петька курить будет в туалете. Он убирает его эту неделю. Бугров на туалет редко ставят, если только прокозлятся, но Федосеев еще не бугор. Ничего, со следующего года будет. Учебного. Сейчас откроет фрамугу и две-три тяпки успеет сделать.

— Ты что моешь? — от стола крикнула Галина Павловна.

Полная, ей вставать лень.

— Коридорчик, ведро жду, — сквозь зубы ответил Гера, но не потому сквозь зубы, что не терпел Галину Павловну, а с понта.

— Ох, дымом тянет, — вразяжку сказал Федор Ильич, входя в игровую. — Галина Павловна, вы не чуете?

Воспитательница вскочила и бросилась к туалету. Вот резвость! Гера едва успел подать знак и посторониться. Но в туалете все в порядке: фрамуга закрыта, Федосеев намывает унитазы. Умывалка, второй туалет и еще одна умывалка — везде порядок.

— Нет ничего, Федор Ильич.

Впрочем, старший воспитатель Михайлов всегда входил с одним и тем же возгласом.

— Э, новенький, как тебя там? Титов? Пойдем со мной, — Федор Ильич пальцем поманил Геру.

— У меня еще коридорчик не вымыт.

— Галина Павловна, поставьте штрафника вместо этого... принципиала, — Михайлов заметно окал.

Кабинетик у старшего воспитателя маленький и мебели в нем чуть-едва. Сейф, шкаф, стол, четыре стула. На сейфе — графин с водой.

Федор Ильич подошел к столу, сел, заглянул в какие-то бумаги, шевеля губами, и спросил:

— Ну, что скажешь?

— Ничего, — растерянно ответил Гера.

— Совсем-таки и ничего?

Титов пожал плечами. Он уже знал от пацанов,

что каждое утро к Михайлову, Мамедову и Гусеву бегают стукачи и эти три больших начальника, больше чем директор, знают всё или почти всё, что произошло в школе в минувшие сутки.

— Тебя ночью били? — напрямик спросил старший воспитатель. — А режимники где были?

— Нет. Не били. Я спал, — Гере никак не улыбалось пополнить ряды стукачков.

Федор Ильич пристально посмотрел на воспитанника и понял, что выжать из пацана ночную информацию будет трудно. Не невозможно, но хлопотно.

Михайлов на этих Титовых собаку съел. Он в этой школе с момента ее зарождения, сам, можно сказать, и зарождал от мебели до персонала, шел вперед в сумерках, набивал шишки и получал ссадины и перевидал всех и всяких. Давно бы быть ему директором, но не был он лидером. И инициатором не был. Исполнитель. Вечно второй.

Но никто лучше его не знал детей. Не то чтобы там имя-фамилия, а и семья, вплоть до бабки, кто чем дышит и кто за что здесь. Подолгу сиживал он за личными делами, вникая в такие детали, до которых никому дела не было, зато потом, на практическом воспитании, знал, какой взять тон, чем поинтересоваться, чтобы враз расположить к себе пацана. Прямо с открытия школы создав институт стукачей, он знал цену своим информаторам. Юным осведомителям доверял наполовину, а взрослым вообще не доверял, но внимательно выслушивал, поддакивал, сочувствовал, а после ухода то ли восхищенно, то ли осуждающе восклицал: «Вот сучка!»

1991, июнь

Все оказалось не так уж и просто. Диванов Вертел в руках копии накладных и не мог ума приложить, что с ними делать. Идти в прокуратуру? К директору? В министерство? Да они могут быть все одной веревкой повязаны. Иначе откуда деньги на зарубежные поездки за буржуазным опытом перековки малолетних преступников, и непременно в группе кто-нибудь из министерства? Впрочем, прокуратура — едва ли. Надо было как-то осторожно выведать предположительную реакцию начальства, но как — в толк не балось. Мозги зацик-

лились, голова болела. Направился было к Лидии Васильевне кофе пить, но той на месте не оказалось. Спустился на второй этаж — навстречу Екатерина Федоровна.

— Вот где мое спасение, — Диванов приложил обе ладони к сердцу. — Сжальтесь, не дайте сгнить в расцвете творческих сил.

— Что случилось? — испуганно спросила.

— Чашечку кофе. Голова разламывается — спусу нет.

— Что-то отмечали вчера? — вопрос звучал кокетливо.

— Ни даже во сне. Все от суеты мирской, хлопот предотпускных.

— Пойдемте, так уж и быть.

Диванов растворимый кофе не любил, но принял чашечку с восторгом. Во всяком случае, сделал вид, что с восторгом и трепетом. Ему нравилась эта молодая женщина. В ней не было красоты, но шарм и обаяние — были, и они не стоили ей труда. Все происходило естественно.

— Вчера ночью шел снег, — сообщила Екатерина Федоровна, — к чему бы это?

— К теракту в Израиле. К нему можно любую природную аномалию пристегнуть. К сожалению, я по ночам сплю и летнего снегопада не видел.

«Может быть, приударить за ней? — подумал Юрий Викентьевич. — Девка пусть и не первой свежести, но и мне уже под сороковник, а она при телесах и упруга».

— Мы уже год с вами знакомы, а еще ни разу не поговорили, — сделала первый легкий шагок Васильева. — А мне интересно знать ваш образ мыслей. Я слышала, вы большой оригинал.

— То, что другим кажется оригинальностью, на деле оказывается элементарной обыденностью или, реже, непониманием. Но есть люди, которые пытаются понять, а есть, что сразу махнут рукой: оригинал. Свежую идею в наше время сложнее выдумать, чем даже претворить. Да и начальству приятнее исполнители, чем, ну, скажем, новаторы.

Разговор постепенно стёк на разного рода начальников. Екатерина Федоровна жила в общежитии и пожаловалась на постоянные поборы коменданта. Электроприборы включать нельзя, а за десять рублей — можно, гости только до двадцати двух, а за четвертной — хоть до утра. А ведь начальник-то никакой. И не пожалуешься —

выселят, общежитие ведомственное, она там на птичьих правах.

— Любой чиновник по определению вор, — решил начать эксперимент Юрий Викентьевич. — У колодца да не напиться? Бытие определяет сознание. Точнее, не бытие, а быт.

— Вы преувеличиваете. Если станете чиновником, тоже будете взятки брать? Не поверю.

— Стать чиновником мне не грозит. Не та натура. Но я знавал вполне приличных людей и предельно честных, а вот попали на хлебное место, и ручонки-шалунишки сами потянулись. Сложно быть искушаемым и не искушаться. Тем более что вся система такова. Легко быть честным, когда стащить можешь только скрепки-кнопки-ручки-тетрадки. Вот директор школы может уже чуть больше, — закинул удочку Диванов.

— Вы слышали о последних школьных событиях? — чуть переменял вектор разговора Юрий Викентьевич. — Марат Васильевич опять пьяным на работу явился. Я не сплетни развожу, это каждый знает: Чернов каждый день на стакане, а директор якобы всего этого не видит. Вчера Олег Дмитриевич взорвался: «Я больше пьяных документов на режимную службу писать не буду! Почему это Чернову можно, а моим режимникам нельзя?» Директор мялся, мялся и отправил Марата... в недельный отпуск. Кодироваться. И чем он так держит директора? Дачей?левой продукцией? Не знаю.

Руки, конечно, у Марата Васильевича были если не золотые, то позолоченные, и директорскую дачу в кооперативе «Педагог» на девяносто процентов построил он. И слухи о левой неучтенной продукции были не так уж безосновательны, хотя последнее время мастерские работали едва ли не вхолостую. И был он даже не начальником мастерских, а обыкновенным учителем труда. Одним из четырех.

— Еще чашечку кофе?

— С удовольствием. И разговаривать с вами — сплошное удовольствие. Жаль, времени немного: мне через полчаса к шефу на аудиенцию.

— А что может прикарманить директор? — разливая кипяток, спросила Екатерина Федоровна.

— Многое, — раздумчиво ответил Диванов, разглядывая портреты великих математиков от Архимеда до Лобачевского. — Вы слышали историю с сорок пятым интернатом? Там директор сдавал в аренду спортзал в вечернее время, а

деньги делил с учителем физкультуры в соответствующих пропорциях. Но тому дележ не понравился, по физвосовскому скудоумию наступал, в итоге — оба за бортом. Красть — наука тонкая, здесь если и не талант, то способности нужны. А лучше — талант.

Юрий Викентьевич говорил теоретически, проверяя голосом давно созревшую мысль. Она стучала в стенки черепа, просилась на волю, но не была еще вполне оформлена. Как вести себя, как жить в стране, где все, кому есть что, воруют. Не следует ли все это узаконить? Ведь если преступников становится больше половины населения, надо менять минус на плюс. Создать единую тарифную сетку, скажем, санэпидстанции и пожнадзору за подпись десять долларов, гаишнику — пять, председателю комиссии по приватизации — сто и так далее. И человек уже знает, что для открытия дела ему нужны сверхнормативные двести баксов. Ни истерик, ни нервов, ни свежих уголовных дел, которые все равно до суда не доходят, а если и доходят, то разваливаются.

— Спасибо, Екатерина Федоровна, — поднялся Диванов. — Я ваш должник. Если вы меня дождетесь, мы можем зайти в какую-нибудь кафешку посидеть-поговорить.

— Не знаю, — Васильева опустила глаза, и грудь ее завдымалась. — Может быть. Если ненадолго.

«Интересно, — подумал казанова, — играет или на самом деле взволнована?»

Думать, что не играет, было приятнее.

— Я вас уже жду, — директор взглянул на часы, но уточнять, сколько ждет, не стал. — Что-нибудь получилось?

Диванов сел напротив и достал несколько листов бумаги.

— В принципе, я ничего нового не придумал, — вкладывая вес в каждое слово, произнес он, — просто творчески переработал уже бывшее в употреблении.

— Что ж? Как говорили древние, всякое новое есть хорошо забытое старое.

Диванов протянул листки, но Николай Иванович, мельком взглянув на них, тут же вернул.

— Я ваш почерк не сразу разберу, вы уж лучше прочтите.

— Положение об организации внутришкольного соревнования между отрядами. Цель: развитие инициативы и самостоятельности воспи-

танников в борьбе за прочные знания, высокий производительный труд, привитие норм морального кодекса строителя коммунизма. Задачи...

— Задачи можете опустить.

— Хорошо. Тогда я без бумаги изложу вам суть. Предлагается всю эту соревновательную дребедень переложить на воспитанников. Рапорт, как и раньше, остается основным документом при подведении итогов. Его осуществляет Совет дружины. Администрация только контролирует во избежание грубых нарушений или явного лоббирования.

— Какой-то суконный язык у вас, Юрий Викентьевич, — прервал Лисин. — Давайте как-нибудь попроще, что ли, пояснее.

— Создаются комиссии, — невозмутимо продолжил Диванов, — учебная, производственная, санитарная, хозяйственная, библиотечная, спортивная и штаб порядка. Все они оценивают отряды по стобальной системе — плюсовой и отрицательной.

— Ну, хорошо, давайте сюда ваши изыски, я вечером просмотрю. Вы со всеми в отпуск? Завтра последний день?

— Да. Николай Иванович, у меня еще один деликатный вопрос. Совершенно случайно попали мне на глаза документы по свиноферме. Там большой беспорядок.

— В чем дело? — встрепенулся директор. — Какой беспорядок?

— По документам у нас свиней вдвое меньше, чем в наличии. А комбикорма завозится больше, чем указано в накладных. Наш Аркаша большой жук и может подвести вас под монастырь.

— Вы документы сами видели?

— Сам и совершенно случайно. Он, видимо, забыл убрать их в сейф, они на столе лежали...

— Н-да, — директор не выдержал и забегал по кабинету так, что Диванов едва успевал поворачивать за ним голову. — Дело-то какое... подсудное... Вы кому-нибудь говорили о своем открытии?

— Нет, только вам.

— И за ради бога, никому более. Я сам разберусь. Строжайшим образом.

Но что-то в поведении шефа наводило Диванова на мысль, что озадачен Лисин не нарушениями на ферме, а их вскрытием, и он порадовался, что не сказал о снятых копиях.

— Сегодня поездка на ферму не состоится — ав-

тобус сломался, а завтра... завтра мы с вами еще раз обсудим ситуацию. Во всяком случае, большое спасибо за сигнал. Только, пожалуйста, никому. Ни слова.

Диванов услышал в просьбе нотки скрытой угрозы. Или ему показалось? Игра могла оказаться нешуточной, и ему очень не хотелось стать проигравшей стороной. И автобус... Почему вдруг сломался? Утром ещё, сам видел, ездили на базу отдыха. Ну, да ладно, не его щенячье дело.

Юрий Викентьевич совсем забыл об Екатерине Федоровне и, столкнувшись с ней на проходной, не вдруг понял, чего она ждет. Но реакция у него была отменной.

— Как хорошо, что вы меня дождались! — сказал он тут же, не обращая внимания на любопытный взгляд режимника. — После душещипательных бесед с начальством всегда становится немного тоскливо.

Сквозь рваные нестыковки облаков ненадолго проглядывало солнце, и тогда воздух слегка прогрелся. Время от времени небо присыпало моросью, и становилось совсем неудобно.

— А вы не боитесь, что о нашем совместном уходе заговорят?

Диванов удивленно посмотрел на Васильеву, и та покраснела.

«Это надо же, — подумал Юрий Викентьевич, — девочка. Еще краснеть умеет. Да неужели в наше время такие раритеты встречаются?»

— Что же предосудительного в том, что два учителя одновременно закончили рабочий день и вместе отправились на автобус? — И, чтобы уже совсем развалить сомнения, добавил: — Можно я вас под руку возьму?

— Нет. Не надо, — испуганно ответила Екатерина Федоровна и отодвинулась.

Кафешка, куда привел Диванов коллегу, была совсем маленькой, на четыре столика, и владел ею на правах аренды его одноклассник. Он же был и барменом, и официантом, и экспедитором, и бухгалтером. В штате была еще уборщица и судомойка — его жена.

Жора, высокий, на полголовы выше небольшого Диванова, в ослепительно белой сорочке с бордовой бабочкой, подлетел сию секунду и склонился в почтительном поклоне.

— Спасибо, господи, что выбрали для отдыха наше кафе. Надеюсь, вам здесь понравится. Что прикажете?

— Вы что-нибудь выпьете? — спросил Диванов.

— Если можно, немного сухого вина.

— Значит, так, любезнейший. «Ркащители», сто пятьдесят водки, конфет и два кофе. Мы не торопимся.

Кроме них в зальчике находилась еще одна пара, совсем юная, и за столиком у окна сидели четверо деловых по виду мужчин.

— Извините, — продолжал кланяться Жора, — мы водку не подаем.

— Так подкрасьте чем-нибудь, пепси-колой, например.

— Юрочка, привет, — за стойкой показалась Жорина жена. — Все нормально? Как сын?

— Спасибо, растет, — недовольно ответил Диванов.

«Вот стерва, — мысленно выругался, — весь кайф сломала. Не стоило сюда приходить».

— А вы совсем не такой, каким кажетесь в школе, — в упор разглядывая кавалера, произнесла Екатерина Федоровна, — как будто другой человек.

— Я не буду спрашивать, лучше или хуже. А почему вы думаете, что я кажусь там? Может быть, здесь? Вполне возможно, что я многолик, как Янус. Здесь — один, в школе — другой, дома — третий. Как во всех обстоятельствах можно остаться одним и тем же? Я не меняю маску. Просто я не могу разговаривать одним языком с детьми, вами и вот этим плебсом, — Диванов указал на подходившего Жору.

Васильевой показалось, что официант услышал последние слова, и ей стало неловко, она заёрзала в кресле, как бы намереваясь уйти, но и не решаясь на это.

Диванов понял: надо игру прекращать.

— Позвольте представить вам, Екатерина Федоровна, моего лучшего друга. Георгий. Владелец сего приятного заведения.

— О лучшем друге — оставь. Ты вспоминаешь обо мне, если только кофе хороший захочешь.

— Ты лучше признайся, где добываешь все это великолепие во время всеобщего разора. Народ советский голодает, а у тебя все изобильно. Вот и Екатерина Федоровна где-то растворимый кофе достает. Как это соотносится с моральным обликом строителя коммунизма?

Жора коммунизма никогда не строил, напротив, всю сознательную жизнь проработал в сфере обслуживания и торговли и построил

только кооперативную квартиру. На коммунизм денег не хватило.

— Жора! — окликнули его от делового столика.
— У тебя шампанское есть?
— Для вас есть.

И опять Диванов пожалел, что пришел сюда, у него на игристое вино денег не было. Можно, конечно, и в долг, но отдавать надо.

— Если не секрет, — спросила Екатерина Федоровна, — о чем вы с директором так долго беседовали?

— А, пустое. Он разрабатывает новое положение о соревновании отрядов. Я во время оно был пионерским вожатым и занимался подобными вопросами, вот он и востребовал мой опыт.

Диванов хотел было раскрутить тему, но встретил взгляд без интереса и замолк.

Пауза затянулась. Следовало как-то продолжиться, но ничего интересного не выхватывалось.

— Я что-то слышала о тайном обществе, — мучительно нашлась Екатерина Федоровна, — и вы в нем как бы магистр...

Диванов долго и нервно смеялся.

— Да, — утирая слезы, признался он. — Вольный каменщик... Черный пояс... Масонская ложа...

— Вы надо мной издеваетесь? — обиделась Васильева.

— Ну, что вы! — посерьёзней Диванов. — Совершенно безвредный клуб и очень полезная библиотека при нем. Если хотите, готов показать её вам. Хоть сегодня в девятнадцать часов.

2003, ноябрь

Прокурорская проверка, которую ждали кто с дрожью, кто с надеждой на благоприятные перемены, грянула. Заместитель прокурора милейшая Татьяна Сергеевна о приезде не предупредила и нашла ворота распахнутыми настежь. Возможно, территорию проветривали. Но ей это гигиеническое мероприятие пришлось не по душе. Никем не потревоженная, она прошла сквозь охраняемую зону и остановилась только в кабинете директора.

— В вашей закрытой школе день открытых дверей? — наивно спросила заместитель прокурора.
— Значит, пройти может кто угодно и пронести

все что угодно? Вплоть до взрывного устройства? Проверяла обычно бригада, а в сей раз — одна. Но очень расторопно.

Второй прокололась непотопляемая Галина Павловна. Туда-сюда, нет воспитанника Волкова. Этаж — на замок, и всеспецшкольный розыск. Нашелся у Татьяны Сергеевны на беседе.

— Да как же вы потеряли ребенка? — опять не может понять дотошный проверяющий.

— Вот так, вот, ушел...

— И не отпрашивался у вас?

— Не-а.

— Ну что ж. Я с ним уже наговорила. Пойдемте, я отведу его, как обязывает положение.

Поднялись на второй этаж.

— У вас дети под замком? — ужаснулась Татьяна Сергеевна. — А вдруг — пожар? На окнах решетки, дверь заперта. Кошмар!

Но одна решетка оказалась не на месте, и головной боли этот факт не убавил. Выдернутой оказалась решетка. Нелепой деталью интерьера прислонилась она к бежевой стене. Такая черная на бежевом. Рядом валялись связанные покрывала. Побег.

Галине Павловне стало плохо, вызвали «скорую» и дознание производили без нее.

Сии чудные открытия первого дня проверки завершились в столовой, где высокому гостю был сервирован стол. После трапезы протянула прокурорша десять рублей.

— Ну что вы, — смутилась шеф-повар. — От доброты душевной.

Но доброта оборачивается боком.

— У вас все взрослые обедают бесплатно? Или только руководство? — спросила Татьяна Сергеевна директора. — Вы же обедаете детей!

Недалека от истины была заместитель прокурора, но проверка пищеблока не входила в ее планы. Достаточно было заявления Александра Григорьевича Мальцева о таинственном исчезновении денег, вырученных за сельхозпродукцию, бомбы, якобы заложенной в здании школы, и махинаций с количеством отрядов в летнем лагере.

— А что делается для возвращения вашего рекордсмена по продолжительности побега? — округлила глаза Татьяна Сергеевна, разбирая документы режимной службы. — Два месяца в бегах, а у вас ни малейшего результата!

— Делаем все, что можем, — с достоинством подполковника в отставке парировал Владимир

Николаевич Брыкин. — Вот документы, — и протянул журнал розыска.

— Да что мне ваши бумаги! — взорвалась прокурор. — Ни холодно, ни жарко, а он в это время нам кражу за кражей накручивает.

А еще Иван Андреевич Коваль сработал кротом. Надо же было в его смену Ирине Васильевне, главному бухгалтеру, отметить свой день рождения на рабочем месте, хоть и не в рабочее время. Никого из проверяющих в школе уже не было. Но милые любопытные детишки, должны сидеть в это время в игровых или спальнях, иногда сбегали вниз послушать то ли песни, то ли хрустальный звон.

Рвался, ох, рвался непритаянно Ванька на брыкинское место. Не по рангу ему было в простых режимниках сидеть.

Иван, полный справедливого гнева, в журнале содержания воспитанников сделал отметку о непедагогическом поведении некоторых работников спецшколы.

Поздним вечером того же дня подкатила шикарная иномарка с заместителем главы администрации губернатора со товарищи. Размяться решили чиновники, в теннис поиграть. Естественно, с разрешения директора. Бдительный старший дежурный тут же позвонил в администрацию — узнать, на чьем бензине развозят высокопоставленных теннисистов.

Но по второму случаю промашка случилась. Авто оказалось не служебным, и Владимир Николаевич, красный от гнева, спросил:

— У тебя совсем крыша съехала? Ты кому проверки учиняешь? А на главбуха почему баллоны покатыл?

— Не мне вам объяснять, — солидно возразил Коваль российской педагогики, — что с педагогической точки зрения...

— Сам бы без греха, — перебил его начальник, — швыряй камни без разбора и в каждого! А в какой разряд педагогики отнести морковь и капусту, из совхоза тебе детишками принесенные? А бесплатные ужины, так же притаскиваемые детьми?

— Так всем же приносят, — заоправдывался Иван Андреевич.

— За себя отвечай. Интересно, ты бы так же бодро выступал за справедливость, будь твоя жена не прокурорским работником высокого ранга, а рядовой училкой?

— Ладно, — понял глубину своего падения Коваль, — этот лист в журнале я заменю.

— Поздно, — вздохнул Брыкин. — Татьяна Сергеевна уже ознакомилась с твоим сочинением.

Недельная проверка завершилась громом небесным.

Глафира Степановна Матюшкина написала заявление об уходе по собственному желанию, и ей пошли навстречу, накрутив при этом начет в приличную сумму.

И Олег Дмитриевич Залетаев с треском вылетел из директорского кресла и по замысловатой траектории приземлился в уютном кабинетике Министерства народного образования. Чем он там занимался, бес его ведает, но если и горевал по отставке, то не очень. Публично волосы пеплом не посыпал. В зарплате ничуть не потерял, автономии, правда, стало меньше, но это компенсировалось отсутствием всяческой ответственности.

Но что произошло за этим перемещением, повергло коллектив в состояние длительного ступора. Если и не всего, то Диванова и Лидию Васильевну — точно. Воистину, неисповедимы пути твои, Господи! Пой, Рей Чарли, свою «Освободи мне дорогу, Джек». Сдвиг по фазе. Помутнение разума. Замкнув теряющуюся в потемках ближнего космоса эллиптическую орбиту, вернулся на круги своя Николай Иванович Лисин. Он где-то директорствовал, потом замствовал, потом исчез с поля наблюдений, забылся — и на тебе, как не уходил. Для чего-то держит природа непотопляемых. История повторилась, но не в виде фарса, а — кошмара, триллера.

— Рад видеть вас, — сказал он на беглом ознакомительном совещании. — Очень надеюсь — взаимно.

Работавших прежде под началом Николая Ивановича было немного, треть, не больше, поэтому в шоке пребывали только ветераны, одни от прежней немилости, другие от изумления, остальным все это было как до созвездия Тау-Кита. Директора приходят и уходят — мы остаемся.

На второй, более пристальный взгляд, Николай Иванович чуточку переменялся. Потускнел комсомольский румянец, две прямые линии от губ вниз делали выражение лица жестким, и речь стала менее растекаемой по древу. Отвечал духу двенадцатилетних перемен.

— И последнее, — завершил трансформацию Лисин. — Нас ждут некоторые... перестановки. Кто сам понимает, что его присутствие не на пользу нашим высоким целям, — пишите заявления. Я, сколько смогу, помогу с трудоустройством. К остальным присмотримся.

Диванов направился в лаборантскую к Лидии Васильевне.

— Позволь покурить у тебя, — попросил почти жалобно.

— Открой форточку.

И просьба и разрешение были из ряда вон. Но все казались вышибленными из седла и не в своей тарелке. Лидия Васильевна вышла победительницей в схватке с Залетаевым, а победа оказалась пирровой.

Юрий Викентьевич торопливо одна за одной сделал с десяток затяжек, помахал руками, разгоняя дым, в волнении долго не мог закрыть форточку и вернулся к кофе.

— И что дальше? — спросил скорее себя, чем начальницу.

— Не знаю, — помедлив, ответила Гаева, — но, кажется, пора паковать чемоданы.

— До конца учебного года, пожалуй, можно спать спокойно, но нагрузки на будущий год мне не будет.

— Не думаю. Он вел только шестые классы, ничего, кроме Древнего мира, не знает, да и тот по учебнику, а там всего два часа — зачем ему? Головная боль без материальной компенсации... На этот год ты протарифицирован, и любой суд возместит тебе физические и моральные издержки.

Но точки расставились раньше. Дня через два Лисин поднялся в кабинет истории, за руку, вопреки обыкновению, не поздоровался, кивком головы обошелся — ни малейшего либерализма. Прощел по классу, осматривая стенды, но ни у одного не задержался.

— Мало перемен, — заметил скупое. — Жизнь движется — мы стоим.

Диванов вышел из-за стола, отошел к заиндевевшему окну и встал так, чтобы все время быть лицом к вышагивающему патрону.

— Я думаю, вы понимаете, — наконец перешел к основной части экзекуции директор, — вместе нам не жить.

Фраза прозвучала зловеще, почти фатально, и Лисин понял это, но поправляться не стал. Его

лощенная дипломатия былых лет исчезла вместе с вскормившим ее государством.

— До июня я вас тревожить не буду, а там попрошу изъяснить собственное желание об уходе. Если угодно, я готов помочь вам найти подходящее вашему положению место. Даже с вариантами. Честь имею.

«Черта лысого ты имеешь, а не честь!» — зло подумал Юрий Викентьевич, глядя в удаляющуюся начальственную спину. Он за все время аудиенции не произнес ни звука.

— Черт, черт, черт, — он ходил по кабинету, размахивал руками, бил себя по лбу, проклинал директора, всех лис мира и свою очень немилостивую судьбу.

— Что с вами, Юрий Викентьевич? — услышал настороженный голос сзади и ухмыльнулся, чувствуя дурацкую нелепость своего положения.

Остановился, мгновенье постоял оцепенело, прикинул ситуацию со стороны и, обернувшись, рассмеялся.

— Репетирую, Екатерина Федоровна.

— Что... репетируете?

— Последний акт рок-оперы «Орфей в аду». Или — «Диванов в спецшколе». У вас водка есть?

Екатерина Федоровна хлопала ресницами, словно в оба глаза влетело по космической пылинке. Время Леонидов.*

— Вы шутите?

— Конечно. Но напиток хочу до бесчувствия. Пригласите в гости, а? Или слабо?

— Не слабо, — улыбнулась словцу из детства. — Просто у меня были планы на вечер. Придется кое-что отменить.

— Вот уж этого делать не надо. Жертва не принимается. Личная жизнь превыше всего.

— У меня и с вами — личная жизнь, а сейчас вам, я же вижу, плохо, отчего же не порадеть? Я плохой исповедник, но выслушать умею, а нет, вы расскажете какую-нибудь историю из вековых глубин. У вас это здоровски получается.

Диванов очень быстро дал себя уговорить и, хоть был дежурным учителем, на линейку не остался.

Очнулся Диванов дома в своей постели. Это он понял почти сразу, несмотря на адскую го-

* Леониды — мощный осенний звездопад.

ловную боль и глубочайший провал памяти. Было темно, и, вставая, он едва не опрокинул тазик с содержимым вчерашней пьянки. Широко расставив руки, дабы не удариться и без того пришибленной головой о громоздкую стенку в прихожей или стеллаж с бабскими детективами, он добрался до кухни. Холодильник ничем не порадовал, и пришлось довольствоваться струей холодной и щедро хлорированной воды из-под крана.

— Очухался? — услышал сухой голос жены, но не осуждающий, а вроде как бы соболезнующий.

Юрий не ответил, открыл форточку и закурил, но тут же закашлялся и выбежал в туалет.

Хотел лечь в постель, но передумал, вернулся на кухню.

— Уроки есть? — спросила Вика.

Диванов отрицательно покачал головой.

Жена вышла в свою комнату и вскоре вернулась с приличной порцией коньяка. Не знал, что у нее могут быть подобные заначки. И не задумывался. Он, как оказалось, совсем ничего не знал о жизни матери своего сына.

Если соболезнование в голосе могло и почувдаться, то в ее руках оно материализовалось. Он долго смотрел то на коньяк, то на жену, ожидая подвоха, потом взял фужер, понюхал, раскрутил и, зажмурясь, выпил.

— Что случилось, Юра? Я тебя таким ни разу не видела...

— Я плохо себя вел?

— Я ничего не поняла. Ты много и несвязно говорил, плакал, а потом ушел к себе.

Все происходящее было настолько нереально, что Юрий потряс головой, словно отгонял абстинентное видение.

За двадцать восемь лет совместной жизни это было первое участие, первое соболезнование, первая попытка (не считать же досвадебные, они на 99% разведывательные и прельстительные) узнать, из чего устроена его зияющая пустота.

— Ничего, Вика, не случилось. Ни-че-го. Жизнь не случилась, — он прикурил еще одну сигарету и на этот раз удачно.

— Да ладно, закрой форточку, вытянет. А то холодно.

Вика подошла, опустила на корточки, положила руки на колени мужа и попыталась заглянуть в глаза, но тот взгляд спрятал, тушуясь и виноватясь. Надломленность читалась в нем.

— Ты иди в постель, замерзнешь, — Юрий провел ладонью по ее волосам, испытывая при этом то ли глубоко забытое, то ли совсем неизвестное будоражащее чувство прикосновения к незнакомке.

— Нет, — сказала она и улыбнулась. — Мне не холодно. Мне, как и тебе, тоскливо. Понимаешь?

Диванов опять покачал головой: ей никогда не было тоскливо. Во всяком случае, он этого не замечал.

— Хочешь еще коньяку? И я, пожалуй, выпью. Может быть, ты поешь? Сейчас я пиццу в микроволновку.

Коньячное тепло разливалось по телу, освобождало мозг от боли, раскрепощало душу. Юрий не пил коньяк лет пятнадцать, и он тоже нес чувство новизны. Диванов вспомнил Екатерину Федоровну, несколько стаканов водки, невнятную попытку объяснить свою душевную неустроенность, такси, но все эти картинки как-то не увязывались в единое целое, были фрагментарны и беспочвенны, сами по себе.

«А был ли секс?» — попытался вспомнить, но ничего не вспоминалось, и решил, что не было.

Зябко передернув плечами, Юрий вышел в прихожую и накинул куртку. Спать уже не хотелось, больше того, появился не оформленный во что-то смысловое энтузиазм.

Пожалуй, впервые со времени рождения Викентия они сидели объединенные чем-то еще не осязаемым, эфирным общим. Ему лень было выискивать причины, столь чудно переменившие жену, но где-то втуне лежащее предчувствие подсказывало, что не до конца растратенное материнство с отъездом сына искало применения себя, и другого предмета не нашлось.

— Не хочешь рассказать?

— Я не готов к исповеди. Немного позже. Мне неплохо бы для начала самому в себе разобраться.

— Вик звонил. Приглашает на Рождество. Может быть, поедем?

— Внука там не намечается? — не отреагировал на приглашение Юрий. Словно не услышал.

— Молчит.

Коньяк, пожалуй, — сыновний презент, которыми он время от времени баловал любимую родительницу. Юрий Викентьевич сквозь

пальцы смотрел на меценатно-плебейские отношения сына и матери, сам ни малейшего вспомоществования от чада не принимал, если не брать во внимание накрученный компьютер, с помпой врученный ему на пятидесятилетний юбилей.

Выпили еще по глотку.

— Приглашаю ко мне в гости, — совсем робко произнесла Виктория.

— Гостем быть не согласен, — осмелел Юрий. — Только хозяином.

Воистину ночь параноидальных открытий: она согласилась и на хозяина. Раба материнской любви.

Встали они поздно. Впервые после смерти мамы в 1990 году Юрий почувствовал себя дома как дома. Голова не болела, и даже не чувствовалось ничего абстинентно-токсичного. По времени пора было готовиться к ужину, но Вика приготовила завтрак.

— Чем займемся? — Виктория уже освоилась в новой роли и сама раскладывала яичницу с ветчиной.

Диванов задумался. Его не грела перспектива придумывать занятие на двоих дома. Что можно изобрести, кроме телевизора? И тут он вспомнил Грицевича.

— Милая женка! Мы идем в театр.

— На что? — Нелепая «женка» ее не раздражала.

— Все равно. Хоть на «Гоголь-моголь». В театр.

— Тебе не понравился «Гоголь-моголь»?

— Параша, — опустил до спецшкольного лексикона Юрий Викентьевич, — два часа хождения по сцене бутылки самогона то в руках Вакулы, то панночки, то Ганночки, то черт-те знает кого.

Он нашел в записной книжке визитку и набрал номер.

— Добрый вечер. Можно Вилена Исаковича?

Грицевич оказался на службе. И почему это все работают, а актеры служат? Диванов набрал сотовый.

Узнав Юрия Викентьевича, Грицевич обрадовался до одышки.

— Любезный вы мой! — пророкотал он. — Сегодня я играю в «Моей прекрасной леди». Две марочки вас ждут. До встречи.

— Я смотрела этот спектакль, — полукапризно сказала Вика.

— Я тоже. Но очень давно. На заре туманной

юности. Вилен Исакович, как и сто лет назад, играет старика Дулита, отца Элизы. Надоест — посидим в буфете. Я в буфете лет пять не был.

2003, сентябрь

Макс остановился только за железной дорогой. Погони не было, но на автобус идти все равно не стоило: вдруг уже спохватились и по остановкам актив разослали.

Побег он замыслил еще недели две назад, может быть, и раньше, когда его не отпустили домой из-за паскудной аттестации и даже увольнительной ни на один выходной не дали.

За быстротечное лето к нему два раза приходила мать, однажды отец. Как он тогда напугался, что Диван попросил его подождать! Минут пять всего и пробыл, заторопился и даже друга своего, Титова, телефон забыл. И Юлька приходила, но его к ней не вызвали. Не родственница.

Администрация очень неохотно разрешала свидания с друзьями и приятельницами, маниакально подозревая в каждой встрече заговор.

Идти по шпалам было опасно: участок дороги прямой насколько глаз хватало, и он свернул на ближайшую тропинку.

Тропинка вилась между толстыми старыми соснами, хилыми березками, задавленными сосновой мощью, мелкими, с перепутанными ветвями кустарниками и непонятно куда вела: эта часть города была ему почти неизвестна. Только ясно было, что дорога на пляж была где-то позади. Терра инкогнито, — как говорила Алёна Геннадьевна. Макс с сожалением вспомнил о ней. На второй год его не оставили, и он теперь учился у многих, всех еще и не выучил, но таких, как Алёна, там не было. «А Сирена сейчас волосы на заднице рвет», — злорадно подумал Федосеев. Он почти специально от неё ушёл, знал, что её каких-то там премиальных лишат, а она за копейку удавится. То, что Дудку накажут, ему и в голову не приходило. А может быть, и не накажут: ведь она Максима не видела.

Тропинка привела к троллейбусной остановке. Подходить к ней Макс не стал, прислонился к V-образному тополию и огляделся. У крайней остановки стояла согбенная, не очень старая женщина с двумя ведрами, накрытыми платками. Больше никого видно не

было, разве только за кирпичной стенкой мог кто-нибудь сидеть. Или стоять.

Он не думал сегодня пойти в побег, всё получилось как-то само собой, без всякого особого желания, может быть, против воли.

Последним был урок литературы. После звонка все повскакивали, не слушая протестов Эммы Рудольфовны, но Макс не торопился: он был ассистентом, за что уже получил одну благодарность. Это так красиво называлось — ассистент, а работа была самая простая: перед уроком разложить учебники, тетради и ручки, а после — собрать всё это. Иногда оставался подклеить книжки или таблицы.

Подошёл троллейбус, но Максим остался стоять, прикрытый тополем. Сам не побережётся — никто не уберёжёт. Остановка опустела, но следом подошел пригородный автобус, и из него шумно вывалились дачники — с сумками, кошелками, ведрами, садовым инструментом.

Эмма Рудольфовна попросила Федосеева полить цветы и протереть подоконники — до обеда ещё полчаса. Настя Валерьевна не возражала

— Я лично приведу его, — заверила учитель воспитателя.

— Ха! Куда он денется! Он у нас мальчик тихий, — и потянулась погладить по голове, но Макс повернулся.

Макс занимался цветами, а Эмма Рудольфовна проверяла тетради. Через минуту в дверь заглянула учительница английского.

— Эмма! Деньги привезли. Я очередь заняла.

— Бегу! — спохватилась Дудкевич, но тут же села. — Мальчик у меня. И дело не завершило. Что делать?

— Не доверяете? — сделал вид, что обиделся.

— Доверяю. Ты доделай и спустишь к канцелярии. Я надеюсь на тебя.

Спецшкольные все так говорят, будто этими словами можно кого-то от чего-то удержать.

— Все будет в порядке. А можно к вам после обеда?

— Можно. Мы с тобой портрет Бродского повесим. Хорошо?

И тогда еще в Максовой голове не было и мысли о побеге. «Куда бежать? Кругом Россия», — говаривал его многоопытный отец.

Отобедав, Макс подошёл к воспитательнице.

— Настя Валерьевна, — по обыкновению глядя в пол, проговорил он, — Эмма Рудольфовна просила помочь ей в кабинете прибраться. Отведите меня к ней.

И после паузы:

— Пожалуйста.

— Вспомнил, — усмехнулась Сирена, — волшебное слово?

Идти ей явно не хотелось, но и блазило желание избавиться хотя бы от одного из до смерти надоевших воспитанников.

— Глеб! — окликнула она безотрядно проходившего мимо командира школы. — Отведи Федоса в учебный корпус.

Если бы ей пришлось в голову попросить Аввакумова, он, скорее всего, по краткосрочности командирского стажа и откликнулся, но приказ ронял его начинавший набирать силу начальственный престиж.

— У меня дела, — сделал отмашку, не останавливаясь.

Настя Валерьевна дёрнулась было следом, но опаматовала, махнула рукой и великодушно изрекла:

— Я, Максим, тебе доверяю. Иди.

— Так режимнику-то скажите.

У выхода нес службу бдительный Вениамин Петрович Большаков.

— Под вашу личную ответственность. И дайте ему карточку доверия.

Этих карточек — пропусков свободного хождения — ходило по рукам великое множество, была одна и у Федосеева в записке, но сейчас — не предъявить. Только в крайнем случае и без Сирены.

— Нет у меня под рукой. Отпусти — парень надежный, — в голосе редкие просительные нотки.

Большаков отвернулся, мол, ничего не вижу, ничего не слышу, а Настя Валерьевна вышла на крыльцо и проводила воспитанника взглядом до школьных дверей.

В следующий троллейбус Макс заскочил последним — едва не прижало дверями. На него обратили внимание, но не больше как на лицо пострадавшее.

— Смотреть надо! — крикнула в сторону водителя взъерошенная с кудряшками женщина. — Мальца чуть не задавил.

А малец притиснулся в угол и затих.

Кабинет Эммы Рудольфовны был открыт, но его хозяйки на месте не оказалось. Макс ещё раз выглянул в коридор — и там ни души. Но откуда-то издали доносились два голоса — невнятно-неразборчивых.

На столе лежала дамская сумочка. Максим нерешительно подошёл, несколько раз озёрнулся и раскрыл. В большом отделении лежала пачка денег.

Тоненький, еле слышный барабанчик просил закрыть сумочку и уйти, но гремющий ток крови заглушил его. Федосеев вынул несколько бумажек, не глядя, сунул их в карман, рукавом протёр места, к которым прикасался, положил сумочку на место и медленно двинулся к выходу. Тут в дальнем конце коридора послышались шаги и голоса, и Макс отпрянул. В левом углу класса, напротив дальнего окна, стоял приёмистый шкафчик с наглядными пособиями, и Макс, скорее интуитивно, чем осознанно, забрался в него и прикрыл дверцу.

— Обидно, Жанночка, — раздался внятный голос Дудки. — Я уже успокоилась, а тут здрасьте-до свидания, вы сокращаетесь.

Эмма Рудольфовна заплакала, и Макс стало жаль её. Хорошая тётка, хоть и не Алёна. Всегда Максу пряник даст или конфетку и ни одной двойки еще не поставила.

— Плюнь и разотри, — утешала Эмму Рудольфовну англичанка. — Во-первых, восемь месяцев нормально отдохнешь — средний у тебя приличный, во-вторых, найдёшь место почище этого гадюшника.

— Тридцать лет, — сквозь всхлипы, растягивая слоги, провьяла Эмма Рудольфовна. — И больше не нужна.

— Хватит нюнить! — приказала Жанна Гавриловна. — Пошли. Вот тебе плащ. Ты думаешь, я тут останусь? Да ни месяца! Мы бабы еще хоть куда! Нас рано на свалку! Идем ко мне. И не возвращай! Кутнём, как тышу лет назад.

Зацокали каблучки и остановились перед шкафчиком. У Макса пересохло во рту, а сердчишко стучало так, что казалось, его слышно на нижнем этаже.

— Хороша я, хороша, — услышал голос англичанки и понял, что она подошла к зеркалу над шкафчиком.

«Вот дура, — подумал Макс, — старуха, а туда же».

Две пары каблучков прозвучали в конце кабинета, хлопнула дверь, щелкнул замок, и бесконечность времени спустя всё стихло. Федосеев подождал ещё немного и осторожно приоткрыл дверцу.

Троллейбус мягко покачивало. Он уже въехал в город, а Максим всё никак не мог решить, куда податься. Тянуло к себе в сарайку, но её могли вычислить, и если не вечером, то рано утром наверняка нагрянут или режимники, или менты. Решил выйти в центре, поглазеть-прогуляться, а там видно будет. Погода тёплая, спешить некуда. Кругом Россия.

Как-то так само получилось — ноги вынесли к игровым автоматам. Макс разменял сотню и приступил к игре.

Дела шли с переменным успехом: в монетоприёмнике ни густо ни пусто, и после часа изнурительной борьбы Макс всё ещё оставался при своих. Ему уже начали надоедать эти качели, и он решил, что играет ещё полчаса и, при любом раскладе, уйдёт. Надо было думать о ночлеге. Дом, сарайка, вокзал — исключались. Вот сложилась задачка: друзей, знакомых — пруд пруди, а податься не к кому.

«Юлька! — вдруг стукнуло в голову. — Она что-нибудь придумает».

Он даже не доиграл решённого получаса, собрал куцее собрание пятирублёвок, вздохнул — проигрыш — и вышел.

Юлька жила в блочном четырёхэтажном доме постройки далёких домаксимовых лет. А может быть, и доотцовских. У нее телефон, но как ей позвонить? Трубку снимет родитель, а что сказать?

«Ладно, — решил Макс. — Вдруг во дворе тусуется. Или вызову как-нибудь».

Когда Федосеев подошёл к Юлькиному дому, уже начало смеркаться, а уличные фонари ещё не зажигали. На игровой площадке детского сада кучковались пацаны. Макс даже послышался Букин голос, но встречаться с приятелем сегодня не хотелось. Он сел на скамейку у дома напротив и принялся наблюдать.

В груди стало тоскливо и неприкаянно. Как-то получалось нескладно: никто его не ждёт и никому он не нужен. Макс сидел долго, успел выку-

ритель две сигареты и уже засобирались двинуться куда-нибудь, хоть и не знал, куда, как увидел знакомую «четверку».

«Это же Брыкина машина!» — присвистнул Федосеев и отодвинулся в тень густого кустарника, тянувшегося вдоль окон.

Из машины вышли два режимника и сам Владимир Николаевич. Они тут же разошлись и с разных сторон группой захвата запрокрадывались к беседкам детского сада.

Макс видел, как главный режимник говорил с кем-то из пацанов, тот отрицательно мотал головой. Другой, кажется, Железняк, заглянул в беседку.

Они еще немного потоптались и сели в машину. Вскоре красные огни задних фонарей скрылись за поворотом. Макс облегченно вздохнул, вышел из-за акаций и, уже не озираясь, зашагал к Юлькиному подъезду.

1983, ноябрь

В жизни человека случаются такие перемены, осознанные, своей волей свершённые, о которых день назад он и помыслить не мог. Как могло приключиться, что вчерашний атеист (ну, пусть агностик) в одночасье сделался православным христианином? Ведь и годов тридцать с чуть-чуть, о загробной жизни думать рано, а тут вот тебе и Юрьев день! Крестился.

На тлетворное влияние Запада никак не сошлешься: не слушал Юрий Викентьевич религиозного вещания, едва по полуслову сквозь заглушки-шумилки удавалось что-то словить по ВВС или «Немецкой волне» — не до жиру. И воспитание было вполне советское, никаких средневековых бабушек, ни одной иконы и книги, разве что по атеизму. «Забавную библию» Кассиля прочёл в раннем школьном возрасте и более к ней не возвращался. «Откровение в грозе и буре» Морозова, перечитанное вдоль и поперёк, хоть и повлияло на его мировоззрение, но атеистических основ не поколебало.

Но если проанализировать, скушать самого себя, поковыряться в анамнезе, выплывет на экран ошеломляющее впечатление от Исакия, его мозаичного Христа, то ли летящего к тебе, то ли притягивающего, там же проявится и действующий храм в Новочеркасске, и мудрая старушка.

— Комсомолец? — спросила она. — Фотоаппарат-то спрячь.

Диванов кивнул.

— Это ничего. Ты всё равно в храм ходи. Даже если не веришь. Душа здесь лечится.

Но более всего на этот опрометчивый шаг его подвигнул Эрик Матфеевич.

— Я на зону пришёл коммунистом и атеистом, — сказал он, — а вышел анти и православным. Хотя, если бы меня окружали католики, мог бы стать и им.

Калугин не пытался, во всяком случае в лоб, миссионировать, но время от времени цитировал Евангелие, рассуждал о конечно-бесконечном и заставил-таки Диванова и Библию прочесть, и некоторых религиозных философов. Не мог Юрий Викентьевич принять Веру на веру.

Крещение произошло в кафедральном Крестовоздвиженском, полутайно, поскольку, узнай об этом его начальство, вернулся бы Диванов к лопате в котельной. Калугин был со священником знаком, поэтому обошлось без предъявления паспорта.

В эйфорическом состоянии новообращённый находился недолго. Сам обряд, его таинственность, обед с отцом Кириллом вызвали чувство умиления и возвышенности, но через два-три дня Диванов к изумлению увидел, что ничего не произошло. Каким он был — таким остался. Он не стал чище, светлее, и как сидели в нём сомнения, так они и выпирали острыми углами.

Но какой-то слух разнёсся. Возможно, его подпустил Петька Федосеев, заскочивший в воспитательскую, когда Юрий Викентьевич после утренней зарядки переодевался.

— Вы чо, в Бога верите? — округлив глаза, спросил он, завидя небольшой серебряный крестик на груди воспитателя.

— С чего это ты? — не сразу взял в толк Диванов, но проследил за взглядом, понял и смутился. — Да это так, для украшения.

И опять смутился — вспомнил: прежде нежели пропоёт петух, отречёшься от меня трижды.

Товарищ Лидия Васильевна Гаева — секретарь школьной партячейки — пригласила воспитателя для приватной беседы.

— Я к вам, Юрий Викентьевич, отношусь с очень большой симпатией, — без обиняков начала она.

— Я тоже, — флиртованно улыбнулся Диванов.

А почему бы и не фривольно? Она женщина молодая, неушербная. Учитель физики — никакое не начальство.

— Вы почему в партию не вступаете? — не услышала Лидия Васильевна. — Я думала, мы в прошлый раз обо всём договорились. Вам расти надо, а без партбилета — рост очень ограничен...

— Да ладно, — отмахнулся Диванов. — Давайте лучше на земные темы.

— Вы в Бога верите, да?

— А вы нет?

— Физик — не мистик, — впервые улыбнулась партайгеноссе.

— Эйнштейн, говорят, верил.

Диванов наверное этого не знал, так — припустил туману.

— Вам всё шуточки, а дело серьёзное. Узнают там, — подняла глаза, — всем нам достанется. Как же! Учитель истории, можно сказать, идеолог школы — и Бог! Светлана Андреевна обеспокоена. Это же пятно на коллективе.

Пауза. Диванов считал до десяти. Отцом привитая привычка — считать, чтобы не сорваться, не надерзить, а когда поднял голову, произнес уже спокойно:

— Мои убеждения и верования никого не касаются, — и улыбался при этом. — Я их не пропагандирую, а ношу в нагрудном кармане, как вы партбилет. Вы не знаете, кто будет следующим генсеком?

— О! — простонала Лидия Васильевна. — С чего вы взяли, что генеральный секретарь заменится?

— Весь мир об этом говорит. Юрий Владимирович руководит страной из кремлёвской больницы. У него искусственная почка с ваш кабинет. Я вас провожу?

— Проводите уж, несносный мальчишка. А заявление в партию?

— Не могу я быть под партийным руководством такой очаровательной женщины, но готов быть под каблуком.

Лидия Васильевна тихонечко посмеивалась и позволила взять себя под руку. Диванову до шепотки в груди хотелось пригласить её куда-нибудь поужинать, но был голос свыше: не прелюбы сотвори.

Калугин стенания Юрия Викентьевича всерьёз не принял.

— Какие в наши дни гонения? — иронично спросил он. — Слава богу, не тридцатые годы и не

хрущёвские времена. А ты представь себе страдания первых великомучеников, истинных ревнителей веры. Помнишь Алёшу-баптиста из «Ивана Денисовича»?

Диванов помнил и Алёшу-баптиста, и Алёшу Карамазова, но как-то сравнить себя с ними — в голову не приходило. Иногда он чувствовал себя святотатцем: крестился не в полную веру, в вечном сомнении, но тут же утешал себя мыслью, что крестят и грудных детей, а там какая вера?

И он кинулся восполнять пустоты религиозного воспитания: перечитал вдумчиво и даже с наслаждением (особенно Исаяю) Библию, несколько вещей Бердяева и князя Трубецкого. Откуда они были у Эрика — не спрашивал, но явно не из публичной библиотеки.

На воспитательском часе решил сквозь сердечное нестроение прочитать и проанализировать «Один день Ивана Денисовича», благо, сохранился давнишний экземпляр роман-газеты, еще отцовских времён.

На пацанов повесть произвела то ещё впечатление. Как же! Лагерная обстановка во всей её красе! Школа будущей жизни! Особенно усердствовал Сашка Нарыльский; брался читать вслух, когда уставал Юрий Викентьевич, лез с вопросами, если чего недопонимал, ругал последними словами кавторанга, снисходительно относился к Шухову и утверждал, что ни одного стоящего персонажа в повести нет, а Алёша-баптист и вовсе малохольный, но он, Сашка, уважает его за упёртость.

Диванов только разводил руками. Когда месяц назад они разбирали любимого Дивановым «Тимура и его команду», все сошлись во мнении, что самый лучший из всех — Мишка Квакин. И только Лёшка Дураев высказался за Тимура, поскольку тот прилично гонял на мотоцикле.

— Я хочу, — попросил Юрий Викентьевич, — чтобы вы нарисовали пирамиду, помните, я вам давал на самоподготовке по истории: низ пирамиды — крестьяне, середина — дворяне, а вершина — Двор и царь. Попробуйте создать подобную. Но поскольку социально все они на одной ступени, вообразите их духовное различие. Кто внизу, говоря вашими словами — у параша, а кто на самой вершине, чей дух выше телесных желаний.

Фофан рисовал, от усердия высунув язык. У него наверху оказался Шухов.

— Обоснуй.

– Ну, это... Он отзывчивый, всем помогает, очередь там займет и работает хорошо...

– Положим, очередь он занимает не бескорыстно, надеется, перепадет ему что-нибудь из посылки.

– А кто за так будет бегать? – удивленно спросил Петька Федосеев. – За так и кошка с котом не обнюхается.

– Сравнения у тебя, Петруччио, – не нашёл слов Юрий Викентьевич. – Все так считают?

– Я не так, – негромко подал голос Гера Титов из 7-го «б» – его отряд на экскурсии по заводу, а Гера наказан. – Думаю, что друзья должны ни за что помогать друг другу, иначе какая это дружба?

– А если не друзья? Человек посторонний, худо ему, тогда как? – допытывался воспитатель, словно не знал ответа и искал его в пацанячьих душах, не до конца еще очерстевших. – Вы о Христе слышали? Одна из заповедей его, пожалуй, самая трудная: возлюби ближнего твоего как самого себя.

– Я об этом и говорю, – расходился Гера, – ведь самые ближние – родители и друзья.

– Совсем не это имел в виду Христос. Ближний тот, кто оказался рядом с тобой сейчас, в данную минуту, пусть даже и видишь ты его первый раз.

Боком вышла Диванову эта часовая беседа. Дня через два пригласил его для приватной (хорошо, не сразу на педсовет) беседы Хаджи Саидович.

– Что же вы, дарагой, дэлаете? Пропагандируете идэи врага народа Солженицына. Нэхарашо.

– Да какой же он враг народа, Хаджи Саидович? Эта повесть издавалась миллионными тиражами! Это же учебник нравственности.

– Дайдёт дэло до гепеу, нравственность будете изучать в Мордовии. Ещё Личанская не знает. Узнает – пиши пропало. Хорошо, если по собственному желанию.

Диванов перетрусил: а ведь так могло стать. Посадить – это вряд ли, не те времена, а из школы попереть – запросто. И куда тогда? Опять в котельную?

– Давайте так договоримся: вы пишете мне объяснительную, я прячу её до поры, а вы уроки нравственности даёте по Носову. Ладно? Хода не дадим – каждый может оступиться, ведь так?

Вышел из кабинета взмокший. Вот вляпался,

герой крещёный. Теперь на веки вечные под колпаком у местного Мюллера.

А Калугин только посмеялся.

– Диссидентского полку прибыло.

Потом посерьёзней и добавил:

– Не надо нарываться. Помяни моё слово, ещё лет пять, и жизнь круто переменится. Сколько Андропову жить осталось? Год? От силы – два. К этому времени от старых пердунов кто останется? Романов? Гришин? Первый замаран по уши, второй не меньше. Кто-то из молодых в кресло генсека усядется, а это новые ветра. Сталинских соколов нет уже, так что грядут большие перемены.

Перемены переменами, а до них ещё дожить нужно. Свернул Диванов с прямого пути, пошёл окольными. Не отказался от пропаганды православного христианства, а заговорил притчами, самим же и адаптированными, никого и ничего прямо не называя.

Но – просочилось. Нигде вслух, может быть, за спиной, но чувствовал Диванов напряжение, и холодок временами окутывал сердце, заставляя сжиматься и биться учащенной. Одна Вера Ивановна Безыконникова напрямки спросила:

– Вы, Юрий Викентьевич, идеалист?

– Не идеалист и не материалист, – отшучивался Диванов. – Я – посередине.

– Это как же? Марксизм не предполагает среднего состояния.

– Милейшая Вера Ивановна, радиоволны – это материя? А магнитное или гравитационное поле? Значит, материя? Так вот, на мой взгляд, и мысль материальна, и пресловутое биополе, более того, я вслед за многими учёными считаю, что существует информационное поле, а гений – это редкая способность человека подключаться к этому полю. Кто-то называет его Богом, Гегель – Высшим Разумом.

И стыдно становилось Диванову от этих разумных поисков веры, и он завидовал верующим безоглядно. Он хотел было сходить к отцу Кириллу на исповедь, но понял, что сказать ему нечего, не сможет он сформулировать свои сомнения.

На самоподготовку Светлана Андреевна явилась. Тихонько сидела в уголке, ни во что не вмешивалась, а это само по себе было чем-то необычайным, и писала в своём кондуите вредные мысли. Они у всех проверяющих

вредные, поскольку ходят на мероприятия не помочь, а выискать, найти и поставить на вид.

Но по самоподготовке у директора претензий не было. Были — по моральному облику.

— Вы у меня самый проблемный сотрудник, — раздумчиво сказала она, в упор разглядывая Диванова. — Проблемы были по режимной службе, потом — побеги, сейчас — пропаганда этого отщепенца Солженицына.

«И до неё докатилось, — тоскливо подумал Юрий Викентьевич и внутренне собрался к разговору о трудовой книжке. — Боже всемилостивый, не оставь мя в напасти дьявольской», — впервые и нелепо помолился.

— Вы читали «Архипелаг ГУЛАГ»? — спросила неожиданно, как на допросе.

— Нет, — словно сожалея, выдохнул Диванов. Его знание предмета ограничивалось «Денисовичем», «Матрёниным двором» и «Кругом первым», слышанным сквозь глушилки по Би-би-си.

— А я читала, — и голос её возматерел. — Более паскудной вещи в руках держать не приходилось! Цистерны грязи на нашу страну, наш строй! И вы её — на несформированные детские души! Да вас вместе с Солженицыным гнать надо поганой метлой не только из школы — из Союза! И выгнать! — перешла на шёпот. — Если ещё полнамёка услышу о вашей антисоветской деятельности. Идите к отряду.

Дорабатывал смену Юрий Викентьевич на инерции, мыслями возвращаясь к грозной директрисе и холодея от страха.

Вездесущие детки подслушали разговор.

— Слышь, пацаны, — сказал Сашка Нарыльский, — Дивана надо выручать. Пособим ближнему своему?

— Как? — спросил Фофан.

— Надо к полковнице идти.

— Так она нас и послушает, — лениво отозвался Петька Федосеев.

— Слова найдём — послушает. Эй, Ремень, — крикнул в соседнюю спальню, — выдь на пару слов.

Саня Ремнев, командир школы, не тот пацан, чтобы по зову бегать, но Нарыльский исключение.

— Чего тебе?

— Пойдем в умывалку.

Воспитателей уже не было, а режимники на мелкую суету актива внимания не обращали.

— Полковница нашего Дивана выгнать хочет.

— А мне-то до него!

— Мне тоже, — лукавил Саша, — но пошлют кого другого, может, поганку какую, а к этому мы подходы нашли, знаем, что к чему.

Ремень — боксёр, Нарыльский — авторитет, его не за кулаки уважают — за справедливость.

— Что делать-то надо? — с ленцой сдался школьный командир.

— Пойдём завтра к полковнице, скажем: ты нам Дивана оставляешь, мы тебе — порядок в коллективе до конца года.

— Учебного, что ли?

— Зачем? Обыкновенного. Но уточнять не будем.

— Ну, ты даёшь. Головастик.

К директору пошли на большой перемене, сразу после полдника. Секретарша ахнуть не успела, как мимо нее проскочили пятеро воспитанников.

— Светлана Андреевна, — без обиняков начал Нарыльский, — мы к вам с просьбой.

— Все пятеро? С одной? — улыбнулась Личанская. — Излагай, только толково и коротко.

— Мы слышали, что вы хотите...

— Хотите.

— Что вы хотите уволить Юрия Викентьевича. Наш коллектив против такого решения...

— Весь коллектив?

— Да, — твердо ответил Саша.

Личанская встала из-за стола. Лицо её медленно багровело, а пальцы, которыми она упёрлась в стол, белели.

— Вон! — крикнула она.

Четверо исчезли с непостижимой быстротой. Нарыльский сжал кулаки и с места не двинулся.

— В карцер захотел? — всё ещё на крике, но уже на нисходящем. — Ходатаи-ходоки. Кто вам сказал, что Юрия Викентьевича...

— Мы сами слышали вчера.

— Это он вас ко мне направил?

— Нет, слово пацана.

Слово пацана было как слово чести для дворянина. Кто его нарушил — не пацан.

Через себя, через сумасшедший внутренний протест, через понимание, что нельзя с На-

рыльским в лоб — последствия могут быть непредсказуемыми, — не выгнала, сказала:

— Садись.

Сашка продолжал стоять.

Подошла к нему, взяла за плечи, усадила силой.

— Пойдём на компромисс? — хитрила Светлана Андреевна. — Я оставляю у вас Юрия Викентьевича, а ты становишься командиром коллектива.

Нарыльский опустил голову и, ломая лобные кости, задумался. Предложение было не первым, и всегда он отказывался, но тут напрямую действовать было нельзя.

— Я подумаю, — глухо ответил.

— Я тоже. Иди.

Через день состоялся разговор с Дивановым. По агентурной сети, через Гусева, почему-то, скорее интуитивно не подключая Мамедова, убедилась Светлана Андреевна, что не Диванов организовал демарш воспитанников.

К себе в кабинет не вызвала, сама поднялась в отряд. Прошла по спальне, подмечая недостатки. Юрий Викентьевич почти подобострастно семенил рядом, стыдясь и ругая себя за это.

— Ну что, мальчики, будете первыми в ноябре?

— Постараемся, Светлана Андреевна, — ответил протестно, в противовес самому себе.

— Вот и замечательно. У вас, кажется, выговор за развал идеологической работы? — специально спросила при детях. — Будете первыми — снимем.

1991, июнь

Занозой в голове саднили накладные и квитанции, жгли, будили по ночам, и, чтобы избавиться от тяготящего груза, надо было или сжечь их, или отдать директору, или дать официальный ход.

Решение не находилось. Каждый вариант нес негативную нагрузку, точнее, был бумерангом, способным поразить метателя.

Ростислав Семенович Неронов своё обещание исполнил, и через неделю Диванов отправлялся в славный город Бердянск, омываемый не менее славными водами Азова. Все было бы прилично и радостно, но — квитанции с накладными и прочими расходными ордерами.

Дела в школе и на свиноферме были завершены, а семейных уже столетие не бывало. Остались пустяки: встретиться с Калугиным и перетолковать с Кожевниковым. С тех пор, как Юрий Викентьевич перевелся в учителя, встречи с Эриком Матфеевичем стали эпизодическими и в основном в клубе.

Идти в клуб совсем не хотелось, но обещал библиотекаря принести книги, присланные из Копенгагена. И еще ожидался приезд петербургского гостя — одного из руководителей общества политкаторжан и крутого диссидента. Диванов этой братии уже наслушался, будет то же самое, но отвертеться было никак — положение обязывало.

В клубе малоллюдно — начинались летние отпуска. После долгих мытарств Эрику Матфеевичу наконец удалось безвозмездно на вечер в неделю арендовать комнату в современном здании Ленинского райкома комсомола, и стало возможным не таскать огромной тяжести баул с книгами туда-сюда, а оставлять литературу в шкафу под замком. Замок был символический, от честных людей (от воров их еще не придумали, от КГБ — тем более), но вносил хоть малую толику успокоения. Экземпляры особо ценные, в основном НТСовские*, правда, уносились по домам, чтобы не соблазнять ГБ.

— Припозднились, сударь, — нейтрально заметил Эрик Матфеевич, вяло пожимая руку.

— Куда опоздал?

— Никуда, если не считать явления Некрасовой из телевидения. Через неделю — запись передачи. Хочет и рыбку съесть, и на пароход сесть. Ей очень нужно показать свободную прессу и свободную библиотеку, но в пылких объятиях КПСС и облита**.

— А что бы ты хотел? Шестую статью Конституции отменили, но сознание — не компьютер, вмиг не переключишь, — возразил Диванов и после раздумья добавил: — Я не смогу подразнить Некрасову — уезжаю в Бердянск.

— Знаю. А не сможешь на денек задержаться?

— Это едва ли. Да и стоит ли ради тщеславного удовольствия потоптаться на развалинах ленинизма? И вывод дебатов неоднозначен: эфир не прямой, а Некрасова — журналист преопытней-

* Эмигрантская организация Народно-трудовой союз.

** Орган цензуры в каждом регионе Советского Союза.

ший, смонтирует в свою пользу, как уже не раз бывало. Потом доказывай, что ты не голубой.

— Ты полагаешь? — задумался Калугин. — Что-то Кожевникова не видно. Обещал быть всенепременно.

И тут Диванова осенило. И почему ему это раньше в голову не пришло? Кесарю кесарево.

— Пойдем покурим? — предложил с таинственной миной. — У меня проблема почище борьбы с гегемонией коммунистов.

Вышли в холл. Комсомольская администрация низшего и многочисленного звена уже разбежалась, и в гулких пустынных коридорах лишь изредка мелькали фигуры из зарождающегося класса — предпринимателей. Из тех же розовошеких комсомольских вожakov. Новые гегемоны.

— Что у тебя?

Юрий Викентьевич обстоятельно, смакуя детали, живописал ситуацию на свиноферме. Получилось немного гротесково, но по сути верно.

Эрик Матфеевич закурил еще одну сигарету. Глаза его, обычно спокойные и даже ледяные, медленно загорались революционным огоньком.

— И что ты собираешься предпринять?

— Если бы знал, к тебе бы не обратился. Я ни в чем не уверен. Министерство, думаю, замазано. Прокуратура — страшно подумать. А вдруг и там? Ведь бывает? Но, с другой стороны, едва ли директор или Аркаша имеют выход на шит и меч... А если? Окажешься склочником или того хуже — клеветником. Не знаю, ума не приложу, — Диванов почти застонал.

— Отдай накладные мне.

— Но это копии...

— Не важно. Главное — толчок, сдвиг. Вяжемся в драку, а там — видно будет.

В курилку шумно вошел громогласный Кожевников. Высокий и стройный кандидат в доктора исторических наук.

— Решаете вселенские проблемы? — риторически спросил он. — А у меня рутина: сессия, упертые студенты и кокетливые студентки. Семинары, зачеты, экзамены. Ты уже в отпуске? Завидую школьным учителям. Питерского диссидента не будет. Залечивает душевные раны в гостинице. Я был у него. Середина июня, а летом еще и не пахнет. Я показал твою работу кое-кому из не совсем ортодоксальных в де-

канате. Общее мнение такое: с большой натяжкой как гипотезу можно принять, но с публикацией вырисовываются проблемы. Через Снегирева не перешагнуть, а он тот еще консерватор, и если сказал, что Брежнев выиграл битву за Новороссийск, то так оно и есть.

Вот так. Все сразу, без пауз и без нужды в ответах и дополнениях. Забронзовел на докторской.

Достал пачку «Marlboro», щелкнул зажигалкой. Где он доставал сей признак высшего престижа — уму непостижимо. Калугин и Диванов довольствовались «Примой» без фильтра и благодарили КПСС за нее.

Прошла зима, настало лето — спасибо партии за это.

— Можно проинформировать Анатолия Захаровича? — утвердительно спросил Калугин.

Диванову ничего не оставалось, как согласиться.

— Нет ничего проще, — отрезюмировал, стряхивая пепел на пол, Кожевников. — Сделать копии с копий, заявить в прокуратуру, не объявляя происхождение документов, и подготовить публикацию на случай проволочек или отрицательной реакции. Жаль, что я в этом деле сбоку припёка, ох, и ввязался бы в драчку с юношеским азартом!

В драчки Анатолий ввязывался, только когда исход их был предreshен и не сулил личного дискомфорта.

— В прокуратуру я не пойду, — отрезал Диванов. — Не из боязни. Затаскают, и плакат мой Бердянск.

— У вас, сударь, личное всегда выше общественного, — саркастически заметил Калугин.

— В идеале то и другое должно совпадать, — ментальноотреагировал Кожевников.

— Не важно. Я решил, и перерешения не будет.

— Я займусь этим делом. Даже в случае провала нашей благородной миссии мне ничего не грозит, а круги все равно пойдут. При любом раскладе я осенью распрашаюсь с... — Эрик Матфеевич долго подыскивал слово, — со спецухой, но наше дело правое, мы победим. Но объяснять происхождение накладных все-таки придется. Не с Луны же они свалились, а? И на тебя, как я понял, сослаться нельзя ни в коем разе?

— Ну, почему же? Вполне можно. Тем более, директор точно знает, откуда ветер дует. И если тебѣ нас не сломало, то мандражировать перед

школьной администрацией и совсем смешно. Ты можешь прямо сказать, что получил компромат от меня, но я на югах, адреса моего не знаешь, а по приезду я весь к услугам прокуратуры.

На том и порешили.

В клубной комнате ораторствовал Гриша Солодов — скандально известный художник-модернист. В изрядном подпитии, он доказывал, что настоящее искусство может быть успешным лишь под спудом.

— Творцу нужна только внутренняя свобода! А внешняя она и в Африке внешняя. Чем крепче давит пресс цензуры, тем больше сока выделяет художник. Увидите, будет свобода — не будет искусства. Грядет вселенский китч! — и Гриша обеими руками раздвоил окладистую бороду на две неравные части, словно показал, как разделится творческий мир.

— Вы, сударь, как всегда, не правы, — небрежно бросил Эрик Матфеевич. — А Пикассо? А Дали?

— Что ты меня Западом тычешь? Это же иная статья! Я говорю о России! Заметь, не о Советском Союзе, а о Великой Руси! О Руси как верной и единственной христианке! Не принимать же во внимание так называемые союзные республики. Через тернии к звездам. Через муки к истине!

— Ну, пошло-поехало, — брезгливо махнул рукой Кожевников и обратился к Диванову. — Какие книжуги принес?

— Не скажи. Я под Гришиными словами легко подпишусь, если убрать восклицательные знаки. А принес я три книги лондонского издания. «Бывшее и несбывшееся» Степуна, «Седьмой секретарь» Геллера и «Номенклатура» Восленского. Плюс десяток брошюр, вероятно, НТСовские, поскольку никаких выходных данных. Авторы, правда, обозначены.

— И как?

— Да никак. С интересом прочел Федора Степуна, слышал о нем, но читать не доводилось, а остальных перелистал. Пето-перепето. Наши полудиссиденты лучше пишут.

Эрик Матфеевич скривился: не терпел пренебрежительного отношения к эмигрантской литературе, но себя пересилил.

— Что твоя пассия не заходит? — перебил тему.

— Ты о Екатерине Федоровне? Такая же моя, как и твоя. По-моему, она уже уехала в отчий край.

— Без тараканов в голове, — вмешался Кожев-

ников, — хучь и баба, а мыслишка-другая собственного производства иногда мелькнет.

От думы о Кате-Катерине Диванову стало тоскливо, и он засобирался восвояси.

Шел мелкий, ничего не значащий дождик. Длинное ущелье проспекта Революции, никогда не радовавшее глаз веселыми красками, совсем помрачнело. Серые дома серо переходили в столь же серое небо. По тротуарам то ропливо передвигались люди в сером, похожие друг на друга, и на дома, и на небо. Даже листья тополей были серыми.

За Дивановым увязался Гришка Солодов.

— Юрчик, золотая душа, угости пивом — выдох, как речка в Каракумах, я портретик твой набросаю...

— Три!

— Чего три? — не понял признанный не всеми художник.

— Три портрета уже у меня. И на всех я разный. И ни на одном не похож. Ты представляешь, какая в пивбаре очередь? Больше, чем во всем городе на жилплощадь.

— Ты за кого меня держишь? — обиделся свободный творец. — Чтобы Гришка Солодов в очереди стоял? Никогда! Но это до какого же маразма нужно страну довести, чтобы кружку пива брать, как Суворов Измаил?

И неназойливым локотком подталкивал Диванова не сворачивать к автобусной остановке, а двигать прямо сквозь занудный дождик к манящим витринам пивбара.

Юрий Викентьевич смирился. Гришка хвостист и бомбист, принимает возвращение долгов за дурной тон, но человек забавный, незлобивый. И работы его хоть и замысловаты, но приличны.

А у дверей роилась толпа мужичков человек пятьдесят, разбавленная двумя-тремя якобы женщинами, как водится, неопределенного возраста. Громадных размеров вышибала невозмутимо, в час по чайной ложке, впускал страждущих пропорционально вышедшим.

— Василий! — крикнул вратарю Гришка и сделал непонятный жест над головой. — Я здесь!

— Раздайтесь! — неожиданно тонким голосом произнес стражник. — Это наш работник.

Толпа, недовольно огрызаясь, послушалась — этот гигант с природным фальцетом был важнее директора.

Диванов до пива не большой охотник, но кружку себе взял — не сидеть же сиднем и альбиносом.

— Чем же ты снискал такую всенародную славу и любовь? — спросил, намекая на беспрепятственный вход и секундное обслуживание.

— Вот этим, — Гришка указал на натюрморт размером примерно метр на семьдесят сантиметров. Шедевр висел над барменом и изображал на голубом фоне (небо? море?) огромных красных раков, цепляющих клешнями кружку с тонким янтарным цветом пива и облаком стерильной пены.

— Сюр какой-то. И намек: три четверти пены на четверть пива. Сегодня пиво не разбавлял. Поэтому не доливаю.

— Плевать. Пятьсот рублей дали, и вхож в любое время. А что еще? Прикладное искусство. Как тебе Эрька в последние дни? — без всяких прелюдий сменил тему. — На мой взгляд, круто переменялся.

Диванов пожал плечами: может быть, и случились какие перемены, но он их не заметил за суетой и эгоистичной увлеченностью своими проблемами. Свои вериги крепче давят.

— Прошли слухи, что наш партайгеноссе за бугор намылился, — продолжил Гришка, удовлетворенно размазывая пену по бороде.

Диванов поперхнулся.

— Быть не может! — воскликнул горячо, но, минуту размыслив, продолжил уже спокойно. — Этого не может быть. Потому что не может быть никогда. Ведь жизнь впереди угадывается такой, о какой он мечтал.

— Да брось ты! Ни о какой жизни он не мечтал. Эрька — бунтарь по сути, по природе. Живи он в начале века — был бы большевиком, о ветряную мельницу которых сломал немало копий. Или даже нет — эсером и, скорее всего, — бомбистом*. А за бугром станет воинствующим зеленым или антиглобалистом. Жизнь его — борьба. А с кем и против кого — вопрос второй и не самый важный. Сомневаюсь, что успокоится под гробовой доской.

— Может быть, может быть, — уходя в себя, пробормотал Диванов. — Это надо обмозговать, проанализировать.

Вытяжки не успевали отсасывать круто настоянный на пиве табачный дым. От ровного

гула голосов и смога отупело тяжелела голова, мысли перепутывались, образы теряли контрастность.

— Или чувствует сударь Калугин, — продолжал резвиться Гришка, — что скоро революция, по подобию Великой Французской или Октябрьской, начнет пожирать своих детей.

Это Диванов хоть и расслышал, но не осознал.

2003, октябрь

Комната по бомжовским, хоть и не слишком тонким понятиям получилась почти уютная. Едва ли не половину её занимал раскладной (но не складной) диван, спасенный от бесславной кончины на городской свалке; в дальнем левом от двери углу примостился журнальный столик со следами бывшего лоска; над ним висела лампочка в сто ватт, дающая свету чуть больше, чем требовалось; справа — небольшой телевизор, происхождение которого требует особого рассказа. Стульев или иной мебели, предназначенной для сидения, не было, и очень редкие гости Максима располагались на диване.

В эту подвальную заброшенную подсобку в трёхэтажном доме застройки гороховых времен привел его Зема.

Неделю после побега прожил Макс с лошадьми. После девчоночьих ахов и охов, после трех слезинок и гневных выговоров Юлька надумала его спрятаться в конюшне. Там Максима знали шапочно и только по имени, жизнью его не интересовались, а он охотно убирал за животными, носил воду из колодца, сбрасывал сено и ничего не просил взамен. Даже покататься, хотя очень хотелось. Ему важно было даже на виду оставаться незаметным.

Днем он рыскал по городу, памятуя слова отца, что волка ноги кормят, помогал облегчить кошельки пьяным мужичкам, но этот промысел был нестабильным и необильным. Кормился он на рынке у разносчиц горячих обедов для палаточных торговков, Юлька при-

* Как удивительно меняется язык: в начале XX века это слово означало метатель бомб, террорист, в конце его — сшибалу мелочи на бормотуху — дешевое вино.

носила в клювике что-нибудь вкусненькое, но слабокалорийное.

Дней через пять похолодало, задули ветра с мелким дождичком, однажды под утро сыпнуло снежку, а конюшня не отапливалась, и сено грело всё меньше. Надо было искать убежище потеплее, и правильная Юлька всё назойливее доставала нравочениями.

«Поучайте лучше ваших паучат».

Возвращаться в школу — такие мысли в голову не забредали. И какой дурак добровольно поменяет полуголодную и антисанитарную свободу на спецшкольный комфорт? Если поймают — другой разворот, а самому? А так: он гуляет — срок идёт. За побег из спецухи не накидывают.

В четверг — день пенсионеров — он отправился в баню. Запаршивел за несколько дней в конюшне, помыться толком негде, а в этот день можно было проскочить на халявку.

Тесен мир. В парилке, куда с огромным трудом затащивал его отец, Максим лоб в лоб столкнулся с Земой. Оба опешили.

— Привет, братан, — первым нашелся Зема. — Ты чего это, сколько дней на воле, а друга не навестишь?

На них заглядывали.

— Ты чо без веника? — врубился Зема. — Погоди, принесу.

— Да я не парюсь. Мне только погреться.

— Наш брат должен париться с веником, — назидательно изрек Зема и выскользнул из парилки.

«Какой-то он не такой, — не мог взять в толк Максим. — Чем переменялся? Раньше меня бы за веником отправил».

Хлестались недолго. Макса сморило, в глазах появились красные круги.

— Я все, — просипел он, — больше не могу.

— По пивку? — спросил Зема в раздевалке.

— Не.

— Что так?

— Не могу. Мне бы колы.

— Шас сообразим, — Зема подошел к банщице и сунул ей какие-то деньги.

«При капусте фраер, — подумал Максим, — вот и куражится».

— Ты нормальный пацан, — сказал меценат, вернувшись. — Не сдал меня с Букой. Будет тебе кола. Ты где ошиваешься?

— Да когда где, — решил на всякий случай не раскрывать карты Максим.

— Хочешь, я тебя пристрою?

Вариант был на уровне бомжовского, но спрос многократно превышал предложение. Подвал уже несколько лет не использовался жильцами по причине абсолютной ненужности и непроходящей сырости. Когда-то в стародавние времена хозяева хранили здесь дрова для титанов, коими грелась вода для ванн, и различные варенья-соленья, но после подключения дома к горячему водоснабжению необходимость в дровах миновала, а тропическая влажность немилосердно губила все, любовно заготовленное впрок.

В этом доме жила тётка Земы — злобствующая и жадная. Когда не пылко любимый и редко навещающий племянник попросил разрешения хранить в подвальчике кое-какие вещицы, не вмещающиеся на лоджию, она была однозначно категорична:

— Триста рублей в месяц!

— Ты чо, тетя Зин? С катушек съехала? — изумился Зема, который и сам при случае не упустил бы срубить немного бабок. — Там чо? Там же ничего! Только вода и крысы... За что деньги-то?

— За риск. Ты, поди, ворованное прятать будешь?

— Не лепи горбатого! Запчасти к мопеду. На лоджию мать не пускает.

Подвальчик ему пока не нужен был. Так, на всякий случай. Мало ли какие обороты у судьбы.

— Ладно, — согласилась тетушка, — двести.

На том и порешили. Зема внес столик задатка, сменил замки на входной двери и кладовке, причем оба замка были обманчиками, а двери запирались простым и тщательно замаскированным образом.

Перед тем как вселить в кладовку Федоса, Зема вернул тетке ключи, сказав, что необходимость в помещении отпала.

Первые два дня по вселении Максиму было страшно. Если бы он знал слово «клаустрофобия», то твердо бы поверил — это его болезнь. Замкнутое помещение без окон, беспокойная суeta крыс и в темноте, и по свету, шелчки и удары в трубах отопления — не всякая нервная

система вынесет. Но помогал клей «Момент». Надышавшись до одури, он воспринимал окружающее как продолжение наркотических мультяшек. А вскоре к посторонним звукам привык, хотя иногда вздрагивал. От крыс совсем легко избавился: какой-то генератор купил — как ветром сдуло. Не всегда врет реклама.

Оклемался. Приспособился. С Юлькой более не виделся, но однажды, с трудом преодолевая угнетающее сопротивление, пришел домой.

Максим очень надеялся, что отца дома нет, а мать примет, как всегда, с причитаниями и поцелуями. Но вопреки надеждам родитель оказался перед Максовым компьютером — играл с ним в шашки. Он настолько вошел в игру, что не слышал ни дверного звонка, ни громких причитаний жены, и вернулся в мир реальный только после прикосновения сына к плечу.

— Здравствуй, папа, — сказал тихо.

Отец вздрогнул, обернулся, длинное мгновение молчал, не находя нужной фразы.

— Явился — не запылится, — выдавил наконец. — Все еще в побежниках? Ха! Что я спрашиваю? После таких делов отпусков не дают. Мать, сваргань ему похавать чего и собери в дорогу. Погулял — пора честь знать. Заждались тебя...

— Ты чего накинулся на ребенка? — вступилась мать. — Похудел-то как. И что теперь тебе будет? Срок-то не добавят?

Заплакала и потащила сына на кухню.

Максим есть не хотел, но и нельзя было мать обидеть, поэтому покорно глотал куски котлеты с макаронами, запивал молоком и думал, что зря это он притащился домой. Не родной дом, а родного нигде и нет.

Вошел отец, присел рядом. Молча дождался окончания трапезы.

— Чего надо собрать с собой — собери, и будем ждать-дождаться. За тобой скоро придут. Я позвонил.

— Нам телефон поставили? — спросил Максим равнодушно.

— Как же! Сотовый у него, — отрешенно ответила мать. — А ты что, не мог завтра позвонить, пусть бы ребенок хоть ночку дома побыл...

— Побудет он, — усмехнулся Федосеев-старший. — Через полчаса ноги сделает, я же вижу.

— Да мне и самому надоело, — почти искренне отреагировал Максим. — Думал, вот повидаюсь и — в спецуху.

— Как там Диван живет-поживает? — для продолжения разговора спросил Петр.

— Юрий Викентьич? Да живет. Он вообще-то мужик ничего. Я тетрис возьму с собой, можно?

— Пацаны не отнимут?

— Не. Я там не в шестерках.

— В буграх, что ли? Бери, не мой. Отнимут — самому хуже.

Макс ушел в свой угол и закопался в ящике со своими причиндалами. Мать с отцом громко переругивались, но слова были невнятные. Сильно хлопнула дверь — кто-то прошел в туалет.

«Хоть бы отец», — подумал Максим и опрометью бросился в прихожую, схватил куртку — и был таков. Уже внизу, у самого выхода, он услышал крик матери, но это только прибавило прыти.

В этот вечер он плакал, уткнув голову в затхлый угол дивана. От бессилия, от ненужности, от тупиковости, когда, куда ни поверни, всюду глухая стена. Он желал отцу поскорее попасться на крутом деле и снова сесть надолго, навсегда, или пока Макс не станет большим, чтобы никто не смог его спроста обидеть, но тут же осекался, понимая, что мать только трезвая будет помнить о нем, а без отца все снова вернется: и пьянки, и собутыльники, и тычки, и жизнь впроголодь. И тогда спецуха уже не казалась адом кромешным, несвободу можно было и перетерпеть, но и эти мысли сменялись противоположными.

После слез стало легче.

Теперь Максим не забредал в свой район. Любая встреча с Юлькой, или отцом, или одним из бывших одноклассников могла закончиться возвращением в горячо любимую спецуху.

Он исподволь, того еще не сознавая и даже не думая об этом, понимал, что сам делает свою жизнь, что никто его не наставит, не научит, что его воспитатели сами неправильные, кроме, может быть, Алены Геннадьевны или чуть-чуть Юрия Викентьевича, но они из другого, недоступного мира, куда ему, Федосееву Максиму, сыну Федосеева Петра, хода нет.

Но в этом нет хода не было безысходности, не было отчаяния или тупика, особенно если не думать об этом. Максим не выбирал, куда идти, — он шел, не размышляя ни о пути, ни о цели, ни о средствах ее достижения.

Пьяные дядьки наскучили ему. Хлопотно, прилюдно и навар никакой. Только что на еду и Земе отстегнуть за аренду — благородный порыв старшего товарища как быстро пришел, так скоро и улетучился. Макс больше ходил по городу, чаще по малоизвестным улицам, приглаждался, прислушивался и быстро понял, что информация — ключ к деньгам.

Однажды он набрел на занявшую его картинку. Двое, вероятно мать с сыном, прощались у подъезда нового, не для бедных построенного дома.

— Не забудь, Сережа, — говорила изящная, будто из клипа, женщина парнишке лет пятнадцати, — в четыре у тебя бассейн, а до этого вывези телевизор из мастерской, мне надоели наши споры, что смотреть.

— Сделаю, — пытался басить сын. Опека, судя по кислой mine, была ему выше горла.

Подошла машина, женщина легко впорхнула в нее, и Сережа с явным облегчением хлопнул дверцу.

Макс соорудил благопристойное лицо и подошел к парню.

— Привет, Серёга.

Зачем он это сделал — объяснению не поддавалось. Может быть, он вовсе и не Серега, а какой-нибудь Серж?

— Хай! Что-то я тебя не помню.

— Да я из пятого, — улыбнулся Максим и указал на дом напротив. — Вот здесь живу.

— А-а, — в голосе послышалось снисхождение. — Бывает. Ты Кольку Степанова знаешь?

Макс сделал жест, который можно было расшифровать как угодно. Сереге-Сержу было угодно принять за утверждение.

— Обещал помочь мне, а не пришел. У тебя время есть?

— Меня мать в магазин послала, а к четверем в бассейн. Первый раз, опаздывать никак нельзя.

— Это ерунда! Мне тоже в бассейн, а там у меня все схвачено. Выручи, приятель. Это недолго. Я тачку возьму. Тивишку вывезем, ты

аппарат охраннику сдашь, он в курсе, а у меня дело горит. Наиважнейшее. В нумизматике сечешь? Ладно, потом объясню. Почтище наркоты. Сдачу себе оставишь. На мороженое хватит. Ну, как?

— Ладно, пошли, если быстро, — сказал Максим и преданно посмотрел в глаза новому другу.

Мастерская была в десяти минутах ходьбы, шли они торопко, а Сергей поминутно взглядывал на часы.

— Упаси бог, опоздаю, такую монету упущу — век жалеть буду. И не очень дорого.

Максим согласно кивал головой.

Диспетчер, непробиваемого вида девица, долго кнопкой вызывала мастера и равнодушно сообщила, что нужно немного подождать.

— Я не могу ждать! — нервно вскричал Сергей. — У меня каждая минута — на вкус золота!

Девица никак не отреагировала.

— Слушай, — обратился к Максиму. — Вот тебе квитанция и столик. Отвезешь, как договорились. В подъезде охраннику отдашь. В бассейне встретимся. А как тебя зовут? — вдруг спохватился Сергей.

— Колян... Сидоров, — пришло в голову имя спецшкольного кореша. — Ты не волнуйся — сделаю в лучшем виде.

Так у Макса появился телевизор.

2003, декабрь

Работа стала совсем поперёк души и тела. Рабский труд по определению не мог принести ни единой молекулы удовлетворения. Или кванта? В чём оно там измеряется?

Директор Юрия Викентьевича совсем не тревожил, даже вроде бы и не замечал, но игнорировал заметно, словно говоря: вот ты есть, а тебя как бы давно уже и нет.

А Лидия Васильевна, посетив один урок, сказала без обиняков:

— Не работаешь, милый друг, по высшей категории. Девятый разряд — вот твой уровень.

Диванов согласно кивнул головой, но ответил зло:

— А какого хрена задницу рвать? Через полгода родная школа может спать спокойно и видеть сны...

— Перед самим собой не совестно? Ведь ты

учитель от бога! Я слышала, не помню где, что Блок в холод девятнадцатого года читал лекцию перед одним слушателем. Остальные по морозу не пришли. Вот это ответственность!

Пример великого поэта не вдохновлял.

Но не только уроки перестали воодушевлять Диванова. Как бы в одночасье обесценилось все. Сбились ориентиры, стрелка компаса вертелась, и не находилось ни малейшего желания как-то настроиться, что-то переменить, куда-то направиться. Не читалось, не смотрелось — не жилось.

Свежие отношения с женой через два дня притускнули, да и как склеить то, что никогда не разбивалось? А тут еще на пару дней приезжал сын, квохтанье Виктории моментально переключилось, а после отъезда страстно любимого чада не случилось повода перевести стрелки на прежний путь. Поезда уходили в никуда, и лишь изредка раздавались жалобные гудки в желтом тумане.

Но наивысшее разочарование несла ему наука. Он словно стоял на классической росстанни: направо пойдёшь... налево... прямо — куда ни кинь — везде клин. Зажженный первыми публикациями Фоменко вкупе с Носовским, теперь он злорадно похихикивал над их явными и притаёнными натяжками и нестыковками в дальнейших. Большинство свежиспеченных гипотез не только этих, но и многих других исследователей были недоказуемы, и ортодоксальные историки могли еще лет сто жить нетоскливо.

Теперь его доставала бессонница. Не принося страданий физических, она в муках рождала депрессивные мысли о том, что жизнь прозвучала безрезультатно и на любом поле его деятельности, от научного до любовного, — одни мелкие стычки с мимолетными победами без удовлетворения и глубокими поражениями без растворяющей горечи.

Чтобы как-нибудь забыться, Юрий Викентьевич начал каждодневно выпивать. И не вино, а водку, к которой допрежь пристрастия не имел. Всё его пьянство до сей поры имело характер мимолетный, эпизодический, на здоровье и службу никак не влияющий. Нынешние малые дозы граммов по сто-сто пятьдесят приносили если не сон, то глубокое забытьё, лишённое нервических видений.

Анатолий Захарович Кожевников, одноклассник и доктор ненаучных, как он сам называл исторические, наук через силу, но слово свое сдержал, и вскоре был подписан договор, по которому на почасовой основе после зимних каникул должен был читать Смутное время на Руси.

Оплата у почасовиков была символическая, но главное, по словам Кожевникова, заключалось в возможности себя показать. И проверить.

Смутно на душе, в семье, на работе, в стране, в мире... Что там семнадцатый век! Отдыхает.

Кинулся было Юрий Викентьевич: что-то освежил, где-то дополнил, кое с чем распрощался, но все делалось через себя, без божества и вдохновенья. Лучше бы и не делалось.

Коллеги в своем вечно правом большинстве перемен в учителе истории не заметили и не искали: своих болячек что снега на слабо чищенном школьном дворе, лишь Лидия Васильевна изредка укоризненно покачивала головой да святая из святых Вера Ивановна Безыконникова, перехватив Диванова после уроков в пустом школьном коридоре, участливо полуспросила:

— Что-то с вами недоброе происходит? — голос у нее участливый, молодой и проникновенный.

— Со мной все на высшем уровне, — Юрий Викентьевич попытался склеить беззаботную улыбку.

— Я же вижу, — сладко продолжила Вера Ивановна, — тяжело вам, но обратитесь к Спасителю нашему Иисусу Христу. Он не оставит нас в беде и даст воли и сил преодолеть греховные соблазны и одолеть дьявола, чье бы обличье он ни принимал.

Под дьяволом неприкрыто подразумевался Николай Иванович Лисин, который на днях публично заявил школьному библиотекару, что перестанет нуждаться в ее услугах, если она не прекратит распространение гнусного сектантства.

В ту же ночь Вере Ивановне было видение, и ангел небесный, с которым она пребывала в постоянном контакте, возвестил скорейшее посрамление всех ее недругов.

— Приходите к нам в субботу, и мы вместе помолимся о спасении души вашей, — Безыконникова не оставляла надежды привести заблудшую овцу в лоно Царства Божьего Праведных Христиан.

– Вы правы, – стер улыбку Диванов. – В храме я давно не был. Завтра же выстою Литургию. Спасибо на добром слове.

– Православная Церковь не может нести добра, она так нагрешила за свою тысячелетнюю историю, – впрочем, слово «церковь» она произнесла с прописной буквы.

На счастье, хлопнула дверь, и в коридоре оказалась невысокая, но стройная фигура директора. Вера Ивановна поджала губы.

– Я не прощаюсь с вами. В библиотеке поступление книг, есть кое-что интересное для вас.

Разошлись почти довольные друг другом. Она тем, что последнее слово осталось за ней, а он быстрым окончанием бесконечного теологического спора.

И как в ней все это уживалось? Она считала, что в мире есть всего одна книга – Библия, и то не в полном объеме, а только Новый Завет, все остальные считала источником разврата и искушением дьявола, говорила, что от стихов Пушкина несет блудом, а есенинские пахнут водкой, и при этом оставалась ревностной хранительницей этих книг. От воинствующей атеистки не осталось ни запятой.

Диванов хотел проскочить мимо шефа, но Николай Иванович окликнул его.

– Юрий Викентьевич, до нас дошли безобразные слухи, – и сделал паузу, словно подбирая нечто смягчающее.

Диванов внутренне сжался, но вид держал непринужденный, даже высокомерно-независимый.

– Очень порочащие?

– Молва докатилась, что вы покидаете нас. И в середине учебного года? Не ожидал... – Лисин перекачивался с пяток на носки: то ли пытался компенсировать недостаток роста, то ли соревновался в высокомерии.

«Откуда? – устало подумал Юрий Викентьевич. – Ведь никому не говорил. Может, он искусно прячет третий глаз, которым связан с космическим информационным полем?»

– Вы не оставили мне выбора, Николай Иванович, – ответил Диванов, не вдаваясь в детали: увольняться до окончания учебного года он и не собирался.

– Когда и в чем? – почти неподдельно изумился директор.

Комсомольский вождизм из него окончательно так и не выветрился, хоть изрядно потускнел. По-прежнему источались флюиды барского демократизма, почти уместные пятнадцать лет назад.

– Вы не помните нашего разговора? Вернее, вашего ультиматума?

– Ну, не будем старое поминать, – примирительно опустил себя Лисин. – Вы для школы работник ценный, зайдите ко мне завтра после уроков, у меня появились некоторые соображения.

– Завтра у меня уроков нет.

– Тогда послезавтра. Договорились? Вот и ладненько, – завершил разговор, не дав Диванову и секунды отреагировать.

Отупелое изумление сопровождало Юрия Викентьевича всю дорогу домой. Он никак не мог взять в толк, отчего в директоре произошла изумительная метаморфоза и что она может преподнести, но интуитивно чувствовал, что хорошего ожидать не приходится.

После обеда взбудоражил легкий признак вдохновения, заставив сесть за стол и пересмотреть лекцию о Василии Шуйском.

В эту ночь он уснул без водки и спал без нервических кошмариков, проснулся бодрым и молодым. Будить жену не стал, постоял под контрастным душем, позавтракал стаканом сока (пусть краткий, но пост) и, памятуя о данном себе обещании, направился в церковь святого Пантелеймона.

Церковь была самая обыкновенная: деревянная, маленькая – почти домашняя. Стояла на пустом холме, и хоть блестели позолотой три ее купола, впечатление оставалось самое обыденное. Перестраивалась она дважды: сначала в трагедийные тридцатые минувшего столетия обезглавили ее и оборотили клубом с танцами, кино и атеизмом, потом в девяностые попытались вернуть изначально присущие облик и дух, но насколько удалось – никто не знает, поскольку не осталось прежних современников церкви.

Юрий Викентьевич по снобизму своему поначалу приписал себя к кафедральному собору, но, однажды побывав здесь, не помнится, по какому случаю, скорее случайно, проникся к церкви святого Пантелеймона глубокой симпатией. Он не дал себе труда узнать, чем свят

был Пантелеймон, откладывая этот вопрос на потом, не думал, чем мил ему этот храм, просто после соборной помпезности он почувствовал себя в обстановке почти домашней и, может быть, аскетичной, что более соответствовало его теперешнему внутреннему состоянию.

— Давненько вас не было, — укорил его настоятель отец Владимир, у которого Диванов исповедовался после Литургии.

— Все суета мирская, — косноязычно оправдывался Юрий Викентьевич, стараясь подладиться языком к церковному фону.

— Чувствую, беспокойно у вас на душе, — мягко продолжал отец Владимир, и хоть годами был моложе исповедуемого, но струилась из него родительская благодать, похожая не на отцовскую, а, скорее, материнскую.

«И Безыконникова чувствует, и жена, и Дида, — тоскливо подумал Диванов, — один я бесчувственный».

Исповедь была долгой и путаной. Диванов сбивался, перескакивал с одного на третье, что-то главное, очень и очень важное ускользало, а нужно было только о нем, об этом очень важном и сказать, поскольку хотелось поделиться болью, но наболело много, и никак нельзя было определить самую большую точку.

Отец Владимир задумчиво кивал головой, помочь не пытался и, казалось, не вникал в душевное настроение Юрия Викентьевича.

— Вы в Бога не веруете, — печально произнес отец Владимир, когда Диванов окончательно замолк. — У вас Я в центре мироздания, а должен быть там Бог. Вы всё о мелком тревожитесь, о суетном, о преходящем, а надобно о вечном. Без Бога добра и зла не разделить, слаб человек умом и сердцем. Вам простить всех надобно, а прощение не может быть великодушным или, тем паче, снисходительным. Прощение — это постоянное состояние души, а вы свершаете акт, и едва не героический, это близко к гордыне, отсюда и сумятица.

Слова были прозрачны и понятны, но суть не доходила. Становилось легче, словно после слёз на коленях матери, но впереди был мир, противный этому. Светлее стало рядом, на расстоянии руки, а даль оставалась туманной.

— Не пытайтесь веру подменить знанием, — сказал пастырь, благословляя и прощаясь, — это невозможно.

На улице после двух недель непролазной слякоти подмораживало. Полуденное солнце едва висело над горизонтом и не излучало тепла. На него можно было смотреть.

Город готовился к встрече Нового года. Он расцветивался, подмаргивал гирляндами, манил бессчетными витринами и своей беспечностью резко контрастировал с умиротворенным состоянием Диванова.

Но оно, это состояние, продолжалось недолго. Диванов вдруг, словно сосулькой по голове, осознал, что от него требуют невозможного, что на такой подвиг он не способен... А кто подвигает его? Ужели нынешние попы святее Васильевых? Или права Вера Ивановна? И сношения с Богом должны быть без посредников, напрямую?

Он зашел в рюмочную и засиделся там до skonчания денег, так что добирался до дому пешком едва ли не через весь город. И назавтра в школе был непомерно зол и раздражителен, с тяжелой и безмысленной головой. От вчерашней благости не осталось и следа.

На уроке граждановедения он впервые наорал на учеников, обозвал всех тупицами и вывел в журнале колонку двоек. Состояние дурацкое, предмет дурацкий и дети оттуда же. У пятиклашек Юрий Викентьевич пользовался отраженным от старших авторитетом, не успев по кратковременности добыть прямого, но на этот раз и отраженный потускнел. Колонка двоек — это двойка учителю, понятно всякому тугодумному. Еще не выкрикнул этого непозволительного тупицы, и еще ручка не принялась рисовать журнальных лебедей, как Диванов уже сожалел обо всем, но великая сила инерции довершила начатое.

Реакцией учеников была молчаливая укоризна. И испуг. И растерянность, поскольку завтра предстояла аттестация.

Первым нашелся Илюха Петров.

— Юрь Викентич, да как же это? Ведь без ступени... Ведь аттестация...

— Учиться надо. Читать. И все равно вас никуда не отпустят, — медленно, но уже без крика отходил Диванов. — Максима Федосеева все еще не нашли, а с победником в отряде сами знаете...

— Нам Лисин обещал, — поддержали командира остальные.

А остальных-то — пять человек. Классище!

— Ладно, пацаны, не тушуйтесь, — дал задний ход Юрий Викентьевич. — Не сдам вас на рассмотрение злым теткам из комиссии. Вот, по листочку возьмите да из учебников скатайте ваши ответики на мои вопросики. Или выберите сами в конце главы. Успеете — двойки закроете.

Кто успел — получил по четверке, кто нет — по тройке. Конфликт угас. Осадок остался.

С таким настроением идти к директору никак не хотелось, и Диванов уже подумывал об обходных путях, как Лисин сам объявился в конце последнего урока.

Его явление было совсем некстати: восьмиклассники давно завершили устанавливать границы государств на контурных картах, ухватывая куски территории у одних и прирезывая другим по законам равенства и всеобщей справедливости, и непринужденно ждали финального гонга, сам Диванов упоенно погрузился в конфискованный где-то в Далмации или Фракии роман Бушкова и отреагировал запоздало.

— Всем встать! — скомандовал он.

Детишки нехотя и вразной поднялись.

— Здравствуйте, садитесь, — директор любил подобные проявления иерархической преданности. Он сел за первый стол, окинул всевидящим оком класс и испытующе уставился на учителя.

— Подведем итог урока, — уже нашелся Юрий Викентьевич, и ученики поняли, подхватили, заговорили хоть и невпопад, но живо.

Предательский Бушков стыдливо прикрылся контурными картами, а тут и звонок, и шумная работа двух ассистентов, и — придаться не к чему, хоть пустой урок и очевиден.

Пацаны вышли, директор с учителем остались. Лисин заранее предупредил зама по режиму о своем неприсутствии на линейке.

— Разговор наш неофициальный, — без обиняков начал Николай Иванович, — и не секретный, хоть я и не рекомендовал бы до принятия решения судачить о нем с коллегами.

Последовала пауза. Директор словно ожидал какой-то реакции Диванова, но тот не снизошел.

— Вы, Юрий Викентьевич, не совсем верно, как мне кажется, восприняли мои слова, при моем вступлении в должность...

«Куда уж вернее, — мысленно усмехнулся Диванов, но перебивать не стал. — Или следовало дожидаться пошел вон?»

— Я не только не хочу вашего увольнения, — продолжал директор, расхаживая по классу, в то время как его визави оставался за учительским столом, — я хочу противоположного, так сказать, вашего возвышения. Для меня личное — второстепенно, даже — третьестепенно. Главное — процветание школы в ее основной функции. Вы понимаете, о чём я говорю?

И опять усмехнулся Диванов. Он уже давно, лет двенадцать, не верил подобным словесам. Их теперь и для прикрытия неблагоприятностей редко употребляют. Директор недоверие приметил, но не отреагировал. То ли посчитал реакцию не царским делом, то ли не хотел размениваться.

— Вы историей школы давно уже не занимаетесь? — неожиданно спросил он. — Или совсем забросили?

— Давно, — не сразу отозвался Юрий Викентьевич, к этому времени прочно забывший о существовании своего эпохального труда. Стимул пропал со времени увольнения Мамедова: Личанской, как почти не причастной к истории, он был не нужен и даже вреден; Лисин в первое свое царствование пролистал дивановский опус и вернул на доработку с учетом вновь открывшихся обстоятельств, а недавно улетевшему Залетаеву он и совсем был до звездочки. Никому не нужна была эта работа, даже самому автору, хоть и потратил он на нее немало дефицитного времени. Зато теперь мог считать себя спецом номер раз по школьной истории, ее проблемам и подкованной борьбе, которая составляла самую пикантную часть рукописи. И хоть самой Историей теперь он не занимался, но вёл дневник, в коем большую часть занимала школа. А дневник — это вам не официальная летопись временных лет, всё открытее и больше.

— Мне кажется, есть смысл вернуться. У меня появился крючок в издательстве «Универсал», и мы могли бы издаться, но в расширенном варианте, включив некоторые методические разработки.

Диванов не успевал за мыслью Лисина — она меняла скорость и вектор направления с немислимой прытью.

— А чтобы вы были совершенно спокойны, вот еще козырь: я на будущий год уроков не беру. Ни одного, — остановился, в упор посмотрел на Диванова и сделал многозначительную паузу.

Юрий Викентьевич взглянул на директора, но, к изумлению, поднятого вверх пальца не увидел. Картинка не выстраивалась. Ему было все непонятно, а главное, совсем не ясна была идея. Ведь неспроста весь этот сыр-бор, ведь для чего-то ведется игра, ведь что-то нужно его мстительному начальнику.

Когда молчание стало совсем неприличным, Юрий Викентьевич, ошеломленный и раздавленный, промямлил:

— А как же... а почему...

Торжествовать над телом поверженного Николай Иванович не стал. Не царское это дело.

— Не волнуйтесь, никаких жертв с моей стороны. Я беру ставку кружка «Юный журналист», в деньгах выигрываю, а учителя со стороны на десять часов не найду. Всё ясно и просто. А вам предлагаю ОБЖ, там еще пять, и непильные обязанности инженера по охране труда. Это пятьдесят процентов из премиального фонда. Вы не только не в накладе, вы в прибылях!

— Как же Владимир Николаевич? — расчухивался Диванов.

— Он, к сожалению, покидает нас.

Не был Диванов с зампорежем в больших друзьях, но приятельствовал, находя в экс-гэбэшнике некое моральное удовлетворение — оборотную сторону своих унижений тринадцатилетней давности перед мрачным и всемогущим учреждением. При всем при этом как-то слабо верилось в добровольную отставку Владимира Николаевича.

— Это начало чистки?

— Не совсем, — не стал прятать карты в рукав директор. — Человек понял, что со своими обязанностями не справляется. Федосеева четыре месяца словить не может — такого в школе еще не бывало.

Забыл Николай Иванович, что в его первый срок один из мастеров спорта по бегу на дистанцию пока не поймают больше года развезжал по необъятному Советскому Союзу.

— Вы хотите, чтобы я отказался от лекций в университете? — пулеметной очередью ставил точки над i Юрий Викентьевич.

— Да! — Лисин ответил твердо и пристально посмотрел Диванову в глаза, что было делом чрезвычайно редким.

Юрий Викентьевич взгляд выдержал, подавил душевную расхлябанность и произнес по слогам:

— Не мо-гу. Я у-же под-пи-сал до-го-вор.

Опять возникла пауза. В воздухе материально ощущалось тугое шевеление чувств и мыслей.

— Так вы почасовиком? — догадался Николай Иванович. — Без увольнения-оформления?

— Да.

— Ну, что ж. Если одно другому не помешает, то можно и совместить, так сказать, приятное с полезным, — это директор договаривал уже у дверей. Последнее слово всегда за ним.

Диванов, перепрыгивая через ступеньки, помчался на третий этаж к Лидии Васильевне и застал ее едва не в слезах.

— Что случилось? — спросил тревожно, чувствуя, что свои проблемы придется отложить и прикоснуться к чужой боли.

— И вечный бой, покой мне только снится, — губы Лидии Васильевны кривились и подрагивали. — От того идиота избавилась, теперь этот роет ба-а-льшую яму.

Неожиданно проблемы стали общими. Не очень связанная повесть скручивала в один жгут дивановский разговор и предшествующую ему беседу с Гаевой.

— Давай выпьем вина, — предложила завуч и закрыла лаборантскую на ключ, — тут что-то осталось от последнего сабантуйчика.

У нее в огромном, на треть лаборантской, металлическом шкафу рядом с дорогими приборами всегда стояло с пяток бутылок различной наполненности — от сухого вина до мокрой водки.

То ли в расстройстве перепутала, то ли так и умыслила, но налила в маленькие кофейные чашки не вина, а напиток куда более действенного. Выпила, закашлялась, замахала руками, отгоняя бесов, откусила от шоколадной конфеты, а вторую часть, надкушенную и помадой подпачканную, протянула небрезгливому Диванову.

Пьющего завуча Диванов наблюдал впервые. На дружеских вечеринках или официозных банкетах она едва мочила губы в вине. Недруги, чаще скрытые, считали, что это ри-

совка, что в раскрепощенной обстановке она и маленькую с горла легко вытянет, но Юрий Викентьевич уже через минуту понял всю вздорность подобных предположений: Лидия Васильевна тут же опьянела, расхохоталась истерически и... заплакала. Потекла тушь, на щеках появился нездоровый румянец — уродина, одним словом. А чем помочь? Как утешить-убаюкать? Не всякий найдет верный тон и нужный смысл.

— Катку... шлюху эту... на моё место, — сквозь оглушающие всхлипы расслышал Диванов.

Насчёт шлюхи он бы поспорил, но не сегодня. Не тот случай. Интуитивно чувствовал: перечить не надо, пусть баба выплеснет накопившийся душевный гной, пусть даже на него, ничего, он отмоется.

Мозаика выстраивалась нерадостная. Лисин убирал или пытался двух замов, и это при том, что третий, по воспитательной, был и.о. Вырисовывалась полная смена руководства.

Кто-то настойчиво постучал в дверь кабинета.

— Тсс, — приложила палец к губам, — но Диванов и не мыслил раскрываться — обстановка более чем двусмысленная.

— Лис хитрит, — с озорничкой прошептала Лидия Васильевна. — Еще выпьешь?

— Я-то могу, — тоже шепотом ответил Юрий Викентьевич, поражаясь моментальной внеш-

ней перемене своей собутыльницы, — а тебе хватит. До дому не дойдешь.

— Неужто бросишь несчастную девушку?

О своем разговоре с директором Юрий Викентьевич поведывать не стал, и не столько потому, что слушатель оказался неважнецкий, сколько по причине неполного понимания позиции и политики завуча. Оставалось нечто недоговоренное, потайное, для Диванова невнятное. На данном судьбоносном этапе жизни союзников у него, если посмотреть с холодным вниманием вокруг, не было.

«Да и Лидка не союзник, — решилось в воспаленно захмеленной голове, — каждый сам за себя».

(Окончание следует)

Алексей ЛИВАНОВ

родился в деревне Крошнозеро

Пряжинского района Карелии.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Преподавал в школе.

Публиковался в поэтических сборниках:

«Трилистник», «Я волю дал любви», «Волны трав»,

в журнале «Север».

Живёт в Петрозаводске.

